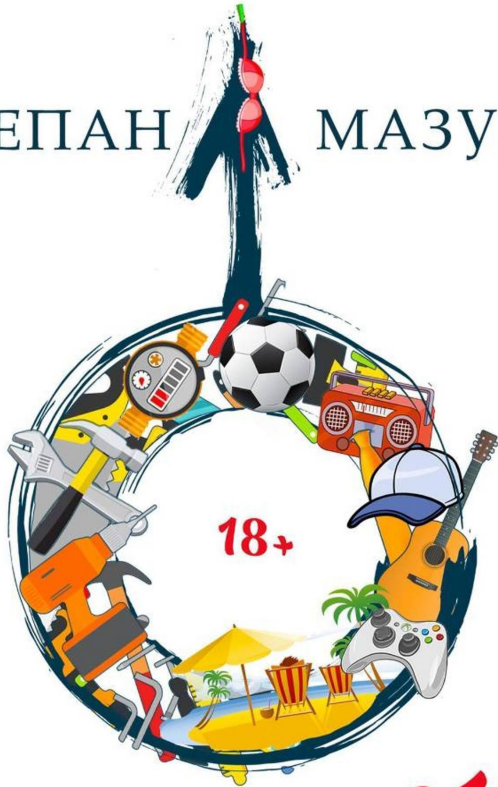

СТЕПАН МАЗУР

18+

ТОТ САМЫЙ
САПТЕХНИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Степан Мазур

Тот самый сантехник 3

Серия «Тот самый сантехник», книга 3

<https://litres.ru/73487481>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-907465-75-6

Аннотация

Пришла зима время расставлять приоритеты в работе, бегая в мыле. Борис Глобальный получил в напарники заграничного коллегу и совершенствуется в профессии сантехник на практике. Но немецкая щепетильность Олафа вымораживает, а из-за чрезмерной педантичности показатели по отчётности падают. В то же время у самого Бори дом ещё не построен, дерево не посажено, а сын если и есть, то исключительно от любовницы. А какая из любовниц Та Самая? Это большой вопрос. Но работяга-сантехник не сдаётся и сделает всё, чтобы найти ответ. Ведь главное это любовь, а остальное приложится.

Содержание

Глава 1 – S.O.S.	4
Глава 2 – Разговор у лифта	35
Глава 3 – Жилищный вопрос	62
Глава 4 – Собачья направленность	86
Глава 5 – Лидок...аин	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Степан Мазур

Тот самый сантехник 3

Глава 1 – S.O.S.

Близилась ночь, но мужчина не спал. Почему? Ведь позади тяжёлый рабочий день, тело молило о пощаде и первый песок в глазах словно говорил: «отдыхай! Завтра на работу»! Но уже предвкушая мягкую постель и блаженную прохладу подушки, мужик возраста «немного за сорок» стойко листал новостную ленту, чтобы полюбоваться женщинами.

Чего греха таить? По большей части, он промышлял по группам с грудастыми улыбчивыми девами без принципов. Или немного с принципами, чтобы не так очевидно было и оставалась лёгкая недосказанность за полоской материи. Иначе не так интересно. Всё-таки интернет – это место, где можно зацепиться глазами за женщин без последствий. Душой порадоваться за выдающиеся формы одних и откровенно позавидовать другим в свободное от домашних обязательств и рабочих процессов время.

Вот и сейчас, разглядывая родинки на словно отшлифованных мелкозернистой наждачной бумагой лобках, мужчина держался до последнего, борясь со сном. Что отдых? Ведь

надо ещё и для себя немного пожить! Хоть десять минут в день. А лучше – полчаса, чтобы до верного.

Но жизнь сурова и беспощадна. Смотри, не смотри, а рано или поздно ноги затекут. И не желая доводить до последней стадии посинения конечностей, данных природой, мужчина решительно отложил телефон и сказал себе:

– Ну, всё, пора и честь знать.

Избегая последующей борьбой с онемением с кряхтением у стены, усталый защитник семьи поднялся рывком и долго смывал воду. Этим самым он как бы подавал сигнал семейному прайду, что вожак мини-клана сделал дело и его снова можно мучать и докучать разными вопросами. На часть даже ответит. И выбрав из многочисленных запросов пару-другую важных, пообещает сделать. Завтра. Сегодня-то на ночь глядя куда? Всё бросить и за дело браться перед сном? Нашли дурака!

Осмотрелся мужик – чистота. Профессионально сработано. Ёршик сухим останется, это уже показатель, что настолько по жизни чист, что грязь к нему не прилипает. Как, впрочем, и деньги.

Потянулся мужик, выдохнул. Теперь с чистой совестью и отполированными электрической щёткой зубами и в царство Морфея можно. Нырнуть в совершенный мир, где он проживает с блондинкой-коллегой по работе, с грудью третьего размера, а не с невзрачной женой-одноклассницей, с которой со школы вместе.

Во сне хотя бы другую женщину потрогать, ощутить. Положа руку на сердце, откуда той блондинке взяться на работе?

«Да хотя бы оттуда, откуда директора управляек миллионерами становятся», – невольно подумал мужик и горько вздохнул.

Очевидно же, что у Деда Мороза просили ещё в детстве, а тут письма начали доходить одно за другим. Это он, как дурак, в чудо не верил и старательно таблицу умножения учил вместо того, чтобы открыть вселенной свой разум и всё-всё у неё захватить, а может даже – заграбастать. Ведь разбогатеть можно только так, неожиданно, спонтанно. По воле случая. А всё остальное – это просто работа, монотонная и выматывающая.

С женой они других партнёров не знали. Поэтому лишь в мечтах и немного во сне можно было покуражиться как следует. До самого проклятущего будильника под утро занырнуть в такие дебри разврата, что даже щёки гореть начинают, как подумаешь. Это уже подсознание хочет. А в сознании перед сном мужик сам себе король. И на картинке посмотреть на унитаза может себе позволить, раздумывая на тему параллельных вселенных, где всё по-другому сложилось. Иначе.

Но что вселенные? Во сне тоже – хорошо. Там у него не трое детей-девочек, а один ребёнок. И тот – сын. Такой не тройки приносит со школы и просьбы сдать на шторы, а шпарит на трёх языках и сам подрабатывает. Медальями и кубка-

ми вся стена со стеллажом завешана и заставлена.

Спортсмен же ж!

Гипотетический стеллаж сын, конечно, тоже сделал сам. На уроке труда. И сам договорился с трудовиком доставить и установить. Так уж и быть, папа оплатил материалы и работу принял не сразу, а с оговорками, чтобы было куда развиваться. А то разбалует ещё.

Вздыхнул мужик. Эх, хороши мечты-фантазии. Но тут на грани слуха донеслось падение капли, разбив мимолётную мечту как поток молока сухую печенючку в кружке.

Кап!

Мужчина застыл в проёме двери в туалет и прислушался. «Хоть бы – нет. Ну хоть бы – нет», – пронеслось в голове.

Кап-кап.

Да куда там? Сразу две наглые капли упали на кафельную плитку!

Склонился мужик недовольный, залысину начинающуюся почесал. Взгляд суровый сделал. Такой особый, пристальный. Чтобы само всё чинились от одной концентрации на задаче. А за унитазом, оказывается, лужица собралась. Пока с ладонь, но ночь только начинается. К утру ведро наберётся и будет не в санузле, а у соседа над головой капать. Или хуже того – в натяжной потолок соберётся. Сразу заметят.

Мужик аж зубы стиснул от досады. Ведь глядя на эту навесную красоту над головой, сосед прямо с утра и начнёт долбиться, кричать и требовать. А дальше что? Ругань под-

нимется. Разборки вместо работы и школ, чёрт бы их всех побрал! И садик, и школу, и работу, конечно!

Всё сразу на мужика навалится: нервы, опоздание, увольнение, инфаркт, смерть и... ускоренное предварительное облысение.

Мужчина снова поморщился от свалившихся бед, отложил телефон на полочку в коридоре и вместо блаженного отдыха в спальне с воображаемыми блондинками, склонился над унитазом. Вновь морда напряглась, посуровела. Щетина даже появилась. Или не заметил за день? Несправедлива всё-таки природа-мать. Гормонов до чёртиков, а всю растительность вместо залысинки на зад гравитацией натянуло. Растут волосы там, где не следует, чтобы зад потел, а голова мёрзла по зиме без дополнительного утепления.

Только присел мужик, как сразу поясница дала о себе знать – тянет почти атрофированные мышцы, покалывает между подтёртых годами позвонков. Колени ещё хрустнули в присяде и напомнили, что последний раз делал зарядку вместо утреннего возлияния кофе – ещё до первенца.

Как-кап-кап!

Шланг напрягся, перекачивая холодную воду в сливной бачок. На месте крепления – уже не капелька висит, а мелкий поток от давления воды сочится. Мужик, не будь дураком, тут же пальцами попытался подтянуть металлическое крепление. То даже немного затянулось. Вроде меньше стало течь.

«А, может, то от того, что вода в бачок уже набралась»? – мелькнула крамольная мысль.

Вновь смыв всю воду в бачке, мужик прислушался и ладонь под гибкую подводку воды подставил. А там – мокро. Капает снова. Даже течёт почти. Не помогло временное решение.

– Твою мать! – буркнул сонный мужик, поднялся, вновь хрустнув коленками и решил затянуть уже как следует.

Только чем? Разводной ключ на полке, где ебутся волки. Рукой сразу не достать. табуретки не хватит. Как знал, подалеже засунул. Теперь за лестницей на балкон надо через детскую идти.

«Вот же пакость! Только всех спать уложил. Теперь мелкую разбужу», – подумал мужик в расстроенных чувствах.

В тщетной попытке достать до ящика, мужик всё же стул с кухни принёс. Кто знает, может подрост с прошлой попытки достать до края полки? Но ящик с инструментами в самом конце, за топором, молотком и перфоратором. Мужик же! Все инструменты под рукой должны быть. А разводной ключ куда ему? Раз в год всего и нужен, если не реже.

– Везучий случай, – пробурчал хозяин довольно старой квартиры, которую приобрёл в ипотеку.

С этим восклицанием, он отнёс стул на кухню обратно и пока выключал там свет, нарвался на злой шёпот жены из спальни:

– Ты достал шараёбиться! Давай спать уже! – и супруга до-

бавила более мягким голосом с намёком на возможную нежность. – Мне ножку не на кого закинуть.

– Отвали, – буркнул любящий муж, у которого и так блондинок забрали и гипотетического сына лишили.

Мужик жену любил, но не в моменты пиковой усталости. В такие отрезки жизни он всех ненавидел, так как три года без отпуска работал. То пандемия ковида, то спецоперации, то постоянные войны с капиталистическим миром, будь тот неладен. Никакой стабильности. На банкноту в один доллар в бумажнике только курс постоянно растёт. Но тоже не особо разбогатеешь. Нет, всем понятно, что враг будет повержен. Это лишь вопрос времени. Жалко только то, что пока сражение идёт, жизнь уходит, а унитазаы для людей делать так и не научились. Технология на минималках простаивает, а ты крутись-вертись и пляши вприсядку, пока о тебе, мужик, вспомнят.

Крадучись в детской комнате как ниндзя, мужик первые три шага без потерь прошёл, а затем, как водится, расслабился. И тут же на куклу наступил! Та не просто пискнула, а закричала на полу, как одинокая женщина в тёмной подворотне:

– Отпусти, если любишь!

«Умные игрушки детям плохого не посоветуют», – промелькнуло в голове: «Но конкретно эта – стерва».

– Да ёпта-а-а, – протянул мужик глухо, балконную дверь отворив.

Сразу морозом повеяло в лицо. Лизнуло по труханам и майке-«алкоголичке», а затем особенно в ноги впилося холодным воздухом, чтобы последнее мужское здоровье украсть и всю надежду жены на интимную близость.

Зима наступила в городе внезапно. Бабье лето оказалось повержено качественным сибирским снегом под расписку Деду Морозу. До весны незастеклённый балкон не растает. А снег по утрам совком и веником кому выгребать? Мужу «сорок-плюс»!

Не успел застеклить, и что? Зимняя резина на автомобиль всё-таки в приоритете стоит. На летней долго до школы не покатаешься. Седан заднеприводный шуток не понимает. Во главу угла – безопасность ставить надо. Да и летом в отпуске были по месяцу оба зарабатывающих человека. Не отдыхали, на даче трудились. Но кэшбек от поездок на дачу почему-то не выдают, а на курорты на всех не накопили. Каждый может пойти лёгким путем и ребёнка в детский лагерь отправить. А им нужно к бабушке отправлять, чтобы крепи семейные узы и развивались близкородственные отношения. Правильные, как дедов самогон и бабушкина окрошка.

Вздыхнул мужик, снова о тепле лета сожалея. Минус холодного балкона без остекления простой – снег сразу в стопы голые мужицкие впился. Физика безжалостна. В паре с логикой работает. А та и напомнила, что тапочки в спальне остались. Но идти туда нельзя – жена переманит. Ей что капает, что нет.

«Ну не дура ли с ножкой своей»? – сразу подумал мужик: «Какая ножка в одиннадцать часов? С утра бы хоть раз пристала. А то всё вечером на неё накатывает. Так и поругаться можно... опять. Уж лучше в снег»!

– Ух ты! Ах ты! Ох ты! – запрыгал мужик по снегу босиком.

Стремянка ещё холодная как лёд. Подхватил. Железная, надёжная. Сколько он с ней раз обои клеил? Не счесть! Наловчился «на верховых» так работать, хоть сам ремонт людям делай. Инструмент важный всегда под рукой. Жаль, что жена не разрешает в коридоре держать, приходится на балкон выносить.

По балкону пришлось сделать три с половиной шага в снежном плену туда. И столько же обратно. Фитнес-браслет на руке тут же радостно пикнул, сообщая что хозяин прошёл тысячу шагов за день... что больше, чем вчера.

– Как же... холодно... ах! – запрыгал мужик по тёплому полу уже в комнате, перешагнув порог обратно.

Дверь быстро закрыл и браслет прикрыл, чтобы не разбудить подсветкой тех, кто спал, несмотря на все попытки «пройти незаметно».

– Пап, ты чего? – проснулась средняя, так как пляшущий над ней мужик со стремянкой выглядел как минимум подозрительно.

– А он закаляется, – вставила старшая дочь Вера, наушник из уха беспроводной вытащив ещё тогда, когда светом

от коридора в комнату ударило.

– Так, цыц! Всем спать! Тише! – буркнул глава семейства и по пути к свету в коридоре на ту же игрушку наступил.

– Соскучились? – обрадовалась игрушка перед тем, как пластиковое чудо хрустнуло, щёлкнуло и затихло.

Потому что «хрупкое» – это любимое слово игрушководов.

– Твою ж мать! – процедил сквозь зубы мужик.

– Ты мелкой единорога только не сломай, – заявила средняя дочь, которую точно звали Майя, так как в мае родилась. Легко запомнить. – А то до утра не уснём от её истерик.

– Не фиг раскидывать! – прикрикнул отец и окончательно разбудил маленькую, бурча. – Говно китайское!

Младшая заворочалась и заявила:

– Пап, я пить хочу.

– Иди да пей! – уже во весь голос сказал отец семейства

Валетовых.

Его дело маленькое – никого не убить стремянкой в полутьме, попутно пальцами пол ощупывать как миноискателями. Потому что не дай бог – конструктор!

– Ну па-а-ап, на кухне темно, – добавила маленькая Елизавета, зная все слабости родителей.

– Да вашу ж... – Мужик сорок-плюс быстро терял терпение. – Пошли!

С другой стороны, лестнице пока нагреться надо. Ступеньки холоднее льда. Стоять на таких без тапочек точно

не получится. А значит, всему своё время. Пока нагреется, можно и напоить младшую дочь, которая летом родилась. От того и ЕлизаВЕТА, что с летом созвучно.

– Да что ж вы там колобродите то все? – донеслось от жены тут же с метким именем Соня, сон к которой без мужа не шёл. Супруга рассчитывала на ласку. Мужик в доме зачем? Да хотя бы затем, что по бедру погладят, а то и поцелуют в ушко на ночь. Но вместо этого лишь топот, свет в глаза из коридора и мужицкое ворчание, созвучное с «сукамля».

Потеет, опять же. Вроде ничего не делал, и в душ ходил, а снова потный. Но это снова из минусов. А из плюсов... ножку можно закинуть и на потного!

«Стареет», – с тоской подумала Соня, сожалея, что на неё не положил глаз какой-нибудь настойчивый младшеклассник в своё время. Такой, чтобы с богатыми родителями и обилием идей на тему как покорить мир. Почему сдалась однокласснику, который в кино сводил и смешно шутил, пародируя училку? Пока смеялась, так и растаяла. А потом оглянуться не успела, а уже беременна. И так три раза.

Быстро напоив ребёнка, отец мелкую обратно в кровать уложил. И со злостью пнув единорога под кровать, дверь в детскую плотно-плотно закрыл.

Да не тут-то было. Майя тут же заявила:

– Пап... мне бы в туалет.

– Ты раньше не могла?

– Так ты там полчаса сидел!

Крыть нечем. В обычных семьях один туалет на всех и здоровая конкуренция.

Вздыхнул мужик и уточнил ненароком:

– По-маленькому или по большому?

– По большому...

– Да вашу ж мать! – не стал скрывать огорчения ремонтник дня и ночи.

– Я всё слышу! – донеслось из спальни от жены в негодовании, которая всё ещё рассчитывала на ласку и даже готова была терпеть запах пота ради этого. Всё равно оба вспотеют, пока ластиться будут. Оба и помоеются. А теперь что? Мало того, что ласки лишили, так ещё и наговаривают почём зря.

Пока дочь устремилась в санузел, мужик на холодные ступеньки взобрался в коридоре. Он всё-таки семейный супергерой, а не хер собачий. Дело-то плёвое, достать разводной ключ и подтянуть гибкую подводку воды. Хотя если подтянуть ещё и под водку, то вообще про туалет забудет, а утром на соседа будет победно перегаром дышать!

Ступеньки холодные. В почки тут же кольнуло, напоминая, что в последний раз он закалялся в деревне у деда, когда от гусей без штанов бегал. Тогда он о водке и самогоне не помышлял даже. На мужиков с сомнением смотрел и говорил: «фу, как это пить можно? Вот я никогда не буду»!

Смеялись над ребёнком мужики, а он и не понимал, почему. Пока не подрос. И детьми не обзавёлся. А там началось: то работа – говно, то унитаза течёт. Поводы одни кругом!

Финалом верховых работ подянка от ящика с инструментами оказалась, который ещё раскопать пришлось в поисках искомого инструмента. Быстро подвинув его к краю, придерживая перфоратор и отдвигая топор и сумку с банками (которых дедам всегда мало), мужик за ручку ящика ухватился. Ага, там и ключ!

Так и собирался быстро спуститься с лестницы мужик, но запамятовал, что напихал в ящик инструментов «с горкой». От чего тот едва закрылся. Одних отвёрток, гаечных ключей и пассатижей три набора. Да рыбацкое всякое. Грузила в основном. Тяжёлое всё, надёжное. Мужские игрушки. В общем, ничего удивительно в том, когда ящик в руку перекочевал с полки, старая ручка ящика как бы сказала: «с меня хватит!» и обломилась. В попытке удержать её, мужик резко дёрнулся и даже устоял на покачнувшейся стремянке, но в пояснице стрельнуло, только подтверждая факт – не герой. Ни разу. Ухватившись за спину и стену, мужик вдруг понял, что на ящик уже рук не хватает. Только напоследок его пихнул пахом, да от того же и поморщился.

С грохотом падающего со скалы робота инструменты на паркет рухнули, пробив в трёх местах пол как пулями. Глядя на блёсны, рассыпавшиеся по полу, мужик замер и слушая трепет сердца, вдруг вспомнил, что зря на соседа по гаражу наехал.

«Вот гандольерство! Выходит, не брал Серёга блёсен. Я сам заныкал», – промелькнула мысль запоздалая. За ней рас-

каянье последовало: «Стыдно! На животе ещё синяк будет с тарелку. Как будто сразу за дело прописали. Карма, мать её»!

Падение ящика не осталось незамеченным. Дочь в туалете сказала «ой» и по коридору запахло.

«В кого только такая вонючка»? – подумал мужик сорок-плюс: «Ясно же, что в жену! На младшекласниц смотреть надо было. Кто ж на будущих бухгалтерах женится? Она же единственная во всей школе знала на кого учиться пойдёт. Что я за дурак-то был?»

Принюхался мужик и поморщился уже как следует. Сам он считал, что всю жизнь не пахнет почти. Даже когда горячей воды нет летом, искупался в озере и нормально. Ну а что от постели тиной несёт, так то от старости. Или дело в кондиционере для белья.

Едва уронил ящик с инструментами мужик, как из детской донеслось сразу двуликое многоголосье, коварное и на что-то намекающее. Например, на то, что мог бы и тише вопросы решать, а то детей всех перебудил.

– Ну вообще-е-е, – от старшей тут же послышалось.

– Мама, мне страшно! – раздалось и от младшей на грани визга.

Соседи тоже оценили. По батарее тут же стукнули в раздражении.

На фитнес-браслет мужик глянул и стучать в ответ не стал. За одиннадцать часов уже. Шуметь нельзя.

«Да я и не собирался, блядь, шуметь! Войдите в положе-

ние! Вы, когда в тазики стучите и шары металлические катаете по полу утром и вечером, никто вам ничего не говорит», – сразу так громко подумал мужик, что стул в батареею прекратился.

Сложив стремянку и скорчившись в три погибели, заботливый хозяин начал инструменты в ящик собирать. А на том трещина.

– Так вот почему ты по акции шёл, дерьма кусок! – заявил мужик и тут же к спускаемой воде за дверью прислушался.

«Потечёт или не потечёт»? – делал он ставки, пока жена отвлекла детей.

Поднявшись, супруга из спальни в детскую пошла на зов Елизаветы. Света в коридоре много, но то у прихожей, а над полкой какой свет? Только из туалета и ванной лампочки светят, но обе двери закрыты.

«Эротичная полутьма, интим благородный», – говорил на этот счёт мужик сорок-плюс, лишь бы не долбить стену, чтобы прокидывать новый провод под люстру или светильник.

Но блесне что тот интим? Такая предпочла остаться незамеченной и тут же вероломно впила в ногу супруге, все сексуальные порывы на ночь на пару отменив. А то и подвинув на конец рабочей недели.

– А-а-а! Су... чо-о-ок! – запрыгала на здоровой ноге жена, гремя и трепыхаясь, как иная щука. Мужик был готов с ходу готов назвать её карасём. Но те, как известно, на блесну не берут. Брезгуют. Однако, супруга прыгала старательно, не

чета иной щуке. И мужик сразу поверил, что блесна – ловчая. Всё, как и говорили продавцы в рыболовном.

«Ничего за всё лето поймать не смог, пока к осени в ящик не заныкал. И вот на тебе – жену поймал», – подумал супруг с лёгким ощущением грядущей бури.

– Не соврали, надо же! – буркнул он и к жене устремился. На помощь.

Но тут дверь из туалета открыла средняя дочь и оба родителя синхронно носы прикрыли, забыв на время про разногласия. Душман, подчиняясь диффузии, проник в коридор, обезболит жену, а попутно отвлёт и отца. Изменилась обстановка в коридоре. Глаза режет. Кашляет жена. Прикрывает плечом дверь муж.

– О-о-о, мне полегчало, – заявила Майя и в детскую дверь открыла сходу, чтобы и там облегчение её почували.

Младшенькая в то же время по тёмной комнате к родителям на свет в проёме пошла, не будь глупенькой, пока ситуация неясная и мутная. Движение родителей в коридоре в полусне озадачивало. А стоило сестре резко дверь распахнуть, как Лизу тут же сбило дверью.

Бах!

И мелкая рухнула от удара в лоб. Закатив губки, Елизавета бросилась в крик и слёзы:

– А-а-а! Мама-а-а! Она меня-я-я ударила-а-а!

Жена, про блесну забыв, по лбу себя только хлопнула. И средней дочери кулак показала, чтобы жизнь мёдом не каза-

лась.

– А чего она тут ходит? – оправдалась Майя, поглаживая живот. – Дети ночью спать должны!

Мужик не спорил. Только супругу поддерживая за локоть, за пассатижи взялся.

– Не дыши, – говорит ей.

– Не дышу, – отвечает Соня.

– А теперь резко выдохни! – советует ей.

– Фу-у-ух! – добавила супруга, и мужик блесну в один миг извлёк из недр пятки. На выдохе.

«Мужик же? Мужик!»! – сам себя подбодрил супруг.

– Опыт есть. Всё-таки не сом заглотил, а так... супруга, – добавил он с улыбкой.

Но мать семейства шутку не оценила. Хныкая и матерясь исключительно уменьшительно-ласкательными, заойкала:

– Ёжечкин писик! Маленький конечик! Оторву мужу по самый корешочек! Будет знать!

– За что? – возмутился законный супруг, выгораживая воображаемых блондинок, которым тоже может достаться. Гипотетически.

– Ой! А чтобы к блядушечкам не ходил... ай! – добавила полушёпотом жена, поднимая зарёванную дочь с пола.

– Мама, а кто такие блядушечки? – тут же обновила словарный запас Лиза, утирая слёзы.

Кровью орошая пол, жена под руку дочку взяла и на кухню повела, хромя и продумывая по пути ответ достойный.

Отец семейства только с горя ящик пнул с восклицанием:

– Старая рухлядь!

– Сам ты – рухлядь! – ответила супруга, приняв на свой счёт. – Я ещё ничего!

– Да я не тебе, ёпрст! – пробормотал он, окончательно потеряв силы и держась за ногу.

Ящичку хоть бы хны, а вот палец ушиб, добавляя иностранных слов в лексикон, который припомнил из набора-десяти-томника «выучи английский за пять месяцев». Ушло, правда, пять лет. И то только на первый том.

– Мам, а кто такой мазерфакер? – снова включила режим любознательности младшенькая.

– Замолчи и пей чай! – оборвала супруга с кухни.

Но это уже мелочи семейные, легко поправимые. А вот новый напор воды в туалете обнажил проблему. «Кап-кап-кап» там теперь и даже «пись-пись-пись» стало!

Подхватив разводной ключ из ящика, мужик решительно открыл дверь, готовясь как воин в последний бой.

– Ужас! Тут что, йети жил месяца три-четыре безвылазно? – пробурчал он, зажимая нос рукой у локтя тут же. – Судя по запаху, тут же и сдох. Разложился. Вон и волосы на полу в лужице воды плавают. Улика весомая. Да, Майя? Ты что, лысеешь?

Майя лишь усмехнулась из комнаты:

– Пап, ну ты же меня всё равно больше всех любишь?

– С чего это? – не понял мужик, который вообще нико-

го не любил на ночь глядя. Разве что с утра и то немного. Старшую. Которая с тем же кислым лицом на кухне перед школой сидела, что и он перед работой.

– Ах так? – возмутилась средняя дочка. – Тогда я расскажу где твоя заначка лежит!

– Ты ж моя... находчивая, – тут же добавил мужик как можно более ласковым голосом.

Пока жена пластырем ногу заклеивала и хныкающую Елизавету чаем с клубникой отпаивала, муж брезгливость презрев, коленями в лужицу встал, сберегая суставы, и ключ подогнал под размер гайки. Сделав почти половину оборота у места крепления шланга к унитазу, мужик едва nirвану не постиг.

Капли прекратились!

«Ну вот могут же делать», – сразу сменил он гнев на милость: «У нас же не только танки крепки и в космос летаем, но и по мелочи всё по уму можем, если захотим».

Однако, силы в руках ещё было достаточно. И как часто бывает, решил мужик «ещё подтянуть», чтобы наверняка не капало. Только последняя четверть оборота ключа была явно лишней. В бачке что-то хрустнуло и провернулось. А затем всё вышло из-под контроля, сорвав резьбу.

– Да ну на-а-а-х! – крикнул в унитаз мужик, как в рупор, сражаясь с острым желанием подхватить весь бачок и расколотшатить его о стену.

Из унитаза не ответили. Тогда он быстро воду слил, про-

веря работоспособность агрегата. Подстава была обнаружена не сразу. Снизу уже не капало. Но вода набиралась и набиралась в бачок, и всё ещё набиралась, даже когда все привычные сроки истекли. А затем просто начала переливаться, от чего процесс смывания не прекращался ни на секунду, только прибавлял счёт за холодную воду.

Провернул он не только резьбу крепления гибкой подводки, но и свернул голову дозатору воды.

– Ебану-у-уться, – протянул мужик в тот же унитаз глухо, разглядывая не прекращающийся водный каскад.

Они с белым треном знавали лучшие годы и часто проводили время наедине. Так чего бы не поговорить со старым другом по душам?

– Ты чего меня подставляешь, херня ржавая? – возмутился мужик. – Вот возьму и куплю японский, чтобы анекдоты мне рассказывал! А тебя на мусорке оставлю!

За разговором мужик отвинтил кнопку-слива, снял крышку сливного бака, прислонив к стене осторожно, чтобы не мешала, а сам внутрь заглянул. Внутри дозатор пластиковый набекрень. Провернуло его не слабо.

Походило на то, что подкрутив снизу ключом металлическую подводку воды к пластиковой трубке, мужик (ответственный, но неразумный) не сломал, но к стенке дозатор прижал. И тот отныне вынужденно работал с переливом, не давая свободного хода буйку.

Обидно стало. Нарушен сложный механизм вандальским

отношением. Да и унитазу сгоряча наговорил лишнего. А тот всего лишь выполнял свою работу. Годами.

– Да твою ж ма-а-а-ать! – заявил хозяин следом, немного раскаиваясь.

Нервы сдавать начали. Конечно, можно было весь день держаться, решая проблемы и сталкиваясь с трудностями лицом к лицу...

«Но ночью спать хотелось, а не это вот всё!» – в сердцах обозначил для себя мужик сорок-плюс.

Очень пожалев, что внутренности сливных бачков не делают из нержавеющей металла, расстроился мужик. Хлипкое всё. Не надёжное. Ты можешь быть трижды рукастым, но, если баланса не знаешь, и в системе не уверен – не лезь. Не ломай. А он – полез, и теперь с унылым видом смотрел на проржавевшие шляпки болтов, удерживающих бачок на унитазе. И на сливной дозатор посматривал с огорчением, что пожелтел от феррума в воде. Такой вроде ещё ничего, до весны простоит. Это терпимо, а вот маленькая пластиковая штучка чуть и вбок, и всё – беда.

«Крякнула», – расстроился мужик.

Устранившись от локальной проблемы, он решил перейти к глобальному мышлению. Пахло всё-таки уже немного поменьше, а дочь снова можно было любить чуть побольше.

«Хорошо, что не всю вентиляцию обоями заклеил», – припомнил хозяин, задрав голову.

Светлая идея посетила сразу! Решив, что можно просто

перекрыть поток воды, мужик даже хмыкнул. Победитель! Тем более, что у туалета отдельный краник есть. Он же вентиль, к которому гибкий шланг подачи воды и крепится.

«Вот же он – под рукой. Чего переживаю»? – настраивал себя на позитивный лад мужик и тут же пальцы на него наложив, повернул. Точнее, попытался. А тот как будто примёрз, ведь пользовались им ровно никогда с момента установки. Присох, проржавел. Любое слово подбирай, да всё не радует.

Тогда мужик посильнее надавил, пальцы свои не жалея. С трудом заметным, красным лицом и до боли в плече, повернулся краник окаянный.

– Ес! – заявил мужик громко, как подобает билингву, который два языка знал. А с матерным – все три.

Но подача воды полностью не перекрылась, лишь замедлилось на порядок.

– Ноу! – добавил он горьким шёпотом слезливо.

Как у дедушек с протечками в трусах к старости, так и здесь кран уже полностью не перекрывался. А то и изначально такая конструкция была. Кто бы её проверял при приёме работы?

«Главное, что дешёвые краны были», – припомнил хозяин: «А когда есть, то и ладно. На душе легче, что всё в твоих руках».

Сбив на узком кранике в бесплодных попытках все пальцы, мужик оказался на грани истерики. Не перекрывается весь напор и всё тут!

– Кто, вообще, делает такие маленькие вентили, которые для полного открытия-закрытия гидравлическим прессом нужно поддавливать? – забурчал мужик. – Или работа надо звать? Но те и так слишком умные! Даже на Фукусиме работать не желали!

Ругался мужик от души, пока сосед по сливной трубе не застучал и куревом не запахло. Пообещав себе клятвенно сменить вентиль при случае на лепестковый или хотя бы с длинной ручкой, решил мужик сразу всю холодную воду в квартире перекрыть. Чтобы наверняка!

С этой целью он к стене потянулся. Ведь там, под туалетом, сбоку, есть небольшое оконце среди фанеры и плитки. Открывая эту «смотровую щель» примерно десять на пятнадцать сантиметров, жена отлично видит показания счётчиков горячей и холодной воды. А в теории ремонтники от прошлого владельца квартиры даже оставили пару сантиметров пространства в лючке, чтобы он мог засунуть туда свою руку и дотянуть до краников подачи воды. Да только «он», это который в возрасте лет пяти-шести, очевидно. Так как другая рука туда пролазить просто не желала.

Красиво, но не практично. Хоть фанеру с плиткой отдирай!

Сделав над собой заметное усилие, всё же протиснул руку мужик. Да вот беда, там стояли ровно такие же маленькие, жёсткие вентили, которые вдобавок с двух сторон обвесили леской с печатями. Порвать такие гораздо легче, чем

проверить вентили. А вот объяснит управляйке – «зачем», заметно сложнее.

– Ёбаны-ы-ый- в ро-о-о-от! Сука! Пидорасы!!! – был явно не согласен с таким архитектурным решением мужик, который и не думал воровать воду у государства, но хотел бы просто перекрыть её подачу в доме. До утра.

Но всё шло не так.

На полу, в полуприсяде, а порой и в изгибе, в уже мокрых от потоков воды и вспотевшей от пота майке, хозяин вроде бы своей квартиры чувствовал себя не комфортно. Ну не рассчитывал мужик на такую зарядку с прогибами на ночь глядя. Так бы спортивный костюм одел и кисти рук размял. Может, меньше болели бы. А сходу, без разогрева, лишь колени щёлкали, посиневшие пальцы болели и из поясницы как будто почки обещали выпрыгнуть, заодно расстреляв всех вокруг камнями, которые накопил за долгие годы.

Но на горячую линию по этому поводу пожаловаться было некому. Это алкашам и наркоманам помогать готовы денно и ночью, а ему, мужику в возрасте, но пока не пенсионеру, помощь не полагалась. Но решать проблему – надо. Дети почему-то не умеют, а жена, не будь дурой, просто найдёт того, кто сможет решать проблемы, а не генерировать новые.

Жизнь ведь простая: решай сам или решат за тебя.

Встала тогда перед мужиком задача на логическое мышление. Что сделать: вырвать ли фанеры кусок из стены, чтобы до вентиляй подачи воды удобно добраться, (и не факт, что

они полностью перекрою воду), или ослабив воды напор до предела, на месте сходу разобраться? Как именно действовать – пока не решил, озарения дожидаясь. Разрушать ремонтник не хотелось, (до полноценного ремонта ещё лет двести не дорастёт, сделан в лёгкую, бюджетно и «лишь бы глаза не мозолило»).

Раздумывая, мужик на унитаз сел в обратном направлении от привычного человечеству. Так, что и кружку поставить можно на бачок, и о жизни подумать, если штаны полностью снять, а лучше вообще голеньким сидеть.

С ненавистью глядя на обычно добродушный белый трон, мужик вновь воду всю спустил. Пока тонкой струйкой набиралась свежая вода, мужик быстро-быстро открутил шланг подачи металлический. Запотевший и уже не раз прокрученный и изломанный бедолага ещё держался. Но едва ослабло крепление, как всё вокруг водой начал заливать.

– То днём, блядь, у них нет напора, то ночью как из брандспойта хуярит! – поделился наблюдением с унитазом мужик, мокрый не по своему желанию.

Унитаз вроде бы даже блеснул в ответ. С кем, мол, не бывает? Держись! И гадая, почему металл к пластиковому патрубку подходит, а не такому же металлическому, мужик сорок-плюс лицо озадаченное напряг, что и так уже почти трещиной пошло.

«Видимо потому, что любой металлический заржавеет через месяц-другой при постоянном контакте с водой», – оза-

рило его следом, да кому нужны такие откровения на ночь глядя?

Рассуждая на эту тему, мужик открутил красными пальцами с уже синим отливом дозатор. Тот был потемневший от ржавчины и едва от стены отпрянул, как тут же начал туда-сюда вертеться как надо. Он как бы намекал, что в рабочем состоянии, просто с ним нежнее надо. Он всё-таки отечественный, хоть и собран на китайском заводе по немецкой лицензии из итальянских деталей, чертёж для которых белорусы делали, а задумывали очевидно в Монголии.

«Чем-то же они со времён Чингисхана должны были заниматься», – ещё подумал мужик сгоряча.

Прав дозатор оказался – не ломай его. Или беги среди ночи за новым. В тот самый мифический круглосуточный магазин сантехники, который работает после цветения папоротника. Или дождика в четверг, но только в зимний период.

– Ну и что теперь делать?

Пока мужик в мокрой майке гадал, как работает принцип дозатора (и всячески ненавидел его создателей, разработчиков и бета-тестеров!), гибкий шланг подачи воды ему все трусы намочил, а заодно весь пол лужей покрыл.

Мужик, яйца мокрые почуяв, подскочил, за поясницу схватился, от вероломства того слов не находя. Откуда вода при двух перекрытых кранах-то? Совсем ослаб, затянуть как следует не может! Уйдёт жена от слабака такого, возможно, даже с утра вещи собирать начнёт. Хреново дело, как не

взгляни.

С трусами мокрыми, мужик рассерженный шланг подачи воды просто в унитаз сунул, словно больше не хотел быть посредником между бачком унитаза, краном и системой слива. А убедившись, что лужа больше не увеличивается, мужик закрыл дверь и начал трусы над толчком выжимать. Совсем как в детстве. Когда в кустах прятался, выжимаясь после того, как в озере купался. Домой лень заходить было. Река или озеро всегда ближе, чем дом. Одно из чудес деревенских.

Думая о реке и тёплом летнем деньке, мужик больше не хотел ни спать, ни жить, ни блондинку. Глядя на залитый пол и воду, что уже собралась у сливной трубы и к соседу была не прочь заглянуть на огонёк, закричал мужик в бессилии на кухню жене:

– Да помоги ты уже!

А сам трусы быстро надел сырые, чтобы в дурдом следом не сдали. Кто же в туалете купается, когда ванная с душем в соседнем помещении есть?

Жена на зов с первой попытки прихромала. А с ней за руку дочка пришлёпала, переступая инструменты разбросанные и на пол дырявый с интересом поглядывая. Днём в старом линолеуме дырок не было.

– Что? – спросила Соня, пытаясь прекратить подачу картинок в мозг, где мужика топят в унитазе во всех ракурсах.

– Ничего! – ответил мужик, отказываясь следом и от ры-

жих. Гипотетических.

Он, может, и сам не прочь утопиться. Рыбок, вон,дохлых смывают и ничего. Некоторые даже на воле оживают потом, и обратно в море возвращаются... Так ему отец рассказывал. Так же и он дочери будет рассказывать, когда на аквариум лишние деньги появятся.

Глядя на папу в мокрых трусах, ребёнок тут же спросил:

– Пап, а зачем ты в туалете купаешься?

«Действительно, а зачем»? – подумал мужик и взвыл, ощущая, как быстро теряет контроль над ситуацией по дому, жизнь в целом и заодно над оставшейся потенцией.

От негодования и бессильной злобы за телефон схватился. Уже не глядя на умные часы, которые пульс за двести передавали, мужик едва сдерживался, чтобы не начать убивать всех людей в радиусе трёхсот метров. Но что удивительно, туда в основном попадут самые близкие. А их то за что, если сам дурак?

Дрожащие от гнева пальцы нашли контакт.

– Абзац! Спасай! Утонул весь! – закричал он в динамик.

– Ты чего печалишься? – раздался в ответ весёлый голос молодого человека, который ещё и не думал спать ложиться, так как едва-едва переступил порог дома. – Все болезни от нервов, Егор!

Сантехники ведь почему не спят по зиме? Потому что после заката солнца – самые жирные заказы. А как начнёшь хапать точки, остановиться уже не можешь. Нужно всё больше

и больше, чтобы потом шелест банкнот приятный слушать и спать без задних ног, вообще ни о чём не думая.

– Не могу больше! – признался охранник управляющей компании «Светлый путь» такому сантехнику. – Выручай, Борь. С меня царевна и полцарства в придачу... если раньше дуба не дам.

Боря почему-то дышал тяжело, но всё же спросил:

– Слушай, а эта история не началась случайно с падающей капли?

– А что... если... – Егор выдохнул. – ... началась?

– С прорывом и потопом то всегда всё понятно. То дело решённое, ничего уже не исправить сразу, – ответил понимающий Борис Глобальный. – А от капли-суки обычно самые тяжёлые последствия. На инициативу там капля мужиков пробивает, Егор. Хочется сделать как лучше. А получается как всегда!

– Верю, – кивнул Егор. – И жду!

Затем Егор Валетов так строго телефон на полку положил, что все вздрогнули. Дочь, первой осознав всю серьёзность ситуации, сама уложилась спать без сказки. А жена у унитаза с тряпкой наперевес плясать начала, попу в трусах розовых обозначая.

Егор прищурился даже. Красиво так ещё танцует. И ни слова от неё не слышно. Словно не заботит её ни рана от блесны на теле, ни муж debil, ни эротика загубленная. Ни сна порывы. Как будто не надо ей завтра на работу.

Тут-то Егор сразу и понял, что с любой гипотетической любовницей на работе, которая с третьим размером груди придёт устраиваться к ним на работу, он бы так долго не продержался. Выгнала бы взащей, как и любая из галереи фотографий в телефоне. Так что и брюнеток оттуда удалит. Оставит только русских. А то совсем подозрительно будет, если у мужика в телефоне фотографий женских нет.

А эта, рядом, мелкая, но своя – родная. Душа в душу же. Да и знает её со школы. Вроде пока не было проблем с восприятием. Да и восприятие топорщится начинает, чем дольше смотрит на её победный танец. А он же что? Поясницу в наклонах размял, кровь и потекла куда надо.

«Хоть зарядку начинай делать!»! – хмыкнув в руку по-мужски Егор, привлекая внимание супруги.

Следом суровый охранник жену за руку приподнял от пола сырого и на трусы внимания более не обращая, в спальню повёл. Долги за неделю отдавать.

– Егор, ты чего? – только и сказала, прихрамывая жена.

– Как чего? – ответил мужик и разъяснил как по полочкам. – Люблю же тебя крепко. Давай уже мальчика сделаем. И в трёшку переедем. Один хер денег ни на что не хватает, пока Европа там умирает и Штаты корчатся в агонии. Так пусть не хватает хотя бы с комфортом. Наследник мне нужен. Рукастый. Тогда ту ипотеку хоть до самой смерти отдавать готов. А в трёшке нам всем места хватит.

– Скажешь тоже... трёшку, – хихикнула жена.

Прикрылась дверь в спальню плотно. В детской замерли, словно спят все. Старшая тут же поднялась, чтобы закрыть дверь и туда. Снова сделала вид Вера, что ничего подозрительного не слышит. А на все вопросы сестёр отвечала односложно – «ну что ты такое говоришь? Это у меня музыка в телефоне играет, тебе послышалось».

Точно знала старшая лишь одно. Минут десять-пятнадцать на перезагрузку у родителей есть, а позже придёт дядя Боря и всё починит... снова.

Знала Вера и другое. Доживёт ещё год с родителями и обязательно за Глобального замуж выйдет. Он всё-таки ей шоколадки дарит и тепло улыбается. Не то, что сверстники, с которыми и поговорить не о чем. Ещё и фамилия красивая. В хозяйстве такой муж с руками всегда пригодится, в отличие от папы, которому с руками по жизни не повезло.

Не из того места растут!

Глава 2 – Разговор у лифта

Боря отключил связь и вздохнул. Двенадцатый час ночи. Они с новым напарником только пересекли порог съёмной квартиры. В руках небольшие пакеты с продуктовым набором на вечер. Много думать трудягам в это время не надо. Желают простого: перекусить, помыться и баиньки. Мужикам после тяжёлых трудовых будней не до баб и кутежей. Им бы быстро поужинать полуфабрикатами полуночными и отключиться часов на шесть. А если повезёт, то и на семь. Но не тут-то было!

Звонок застал, когда наперегонки бежали от микроавтобуса в туалет. Немецкий напарник сделал ставку на лифт и проиграл. Боря по лестнице быстрее успел. То сила привычки. Для здоровья полезная нагрузка и по жизни выручает.

Волка ноги кормят. Не то, чтобы Борис Глобальный рвал всех вокруг, кого видел, но волчицу свою искал, и порой точно выступал в роли «санитара леса». Хоть лес каменный, но простоватых оленей и хитровыделанных лис в нём хватает. Одни просят помочь в силу природной тупости, другие хитрят и давят на больное, ссылаясь на семьи, детей, работу и другие обстоятельства по своим уютным норкам. Конечно, своя рубаха ближе к телу, и частная жизнь сантехников их не интересует. Как и время обращения. Поэтому приходится

отвечать и ночью.

– Олаф, можешь не разуваться, – первым выполнив намеренный план под мощным напором, заявил русский наставник, и по плечу коллегу немецкого похлопал, в силу привычки и иммунитета ради, руки перед тем действием помыть забыв.

– Что такое? – устало обронил коллега, который и сам после каждой работы руки мыть устал. С этой беготнёй хоть мыло из рук не выпускай!

– Оставь пакеты на пороге, идём.

– Куда?! – возмутился Олаф Мергенштольц почти без акцента.

– Тут недалеко. Мы быстренько. Туда и обратно, – быстро ответил Глобальный и заявил важно. – Дело у нас есть!

– Какое ещё дело? – психанул напарник и проследовал в туалет, не разуваясь. – Рабочий день закончился шесть часов назад! Русские, вообще, отдыхают? Вы слышали что-то про «рабочие часы»? И понятие об отдыхе имеете? В Германии даже канцлер ночью не работает!

Боря посмотрел на следы за коллегой, поджал губы. Первую неделю иностранец ещё держался в рамках приличия: разувался или бахилы обувал, а затем – как отшептали. То устал, то забыл, то «уже всё равно». Всплыла вторая натура, подноготная.

Глобальному, словно по праву принимающей стороны, всё чаще приходилось мыть полы вечером. Попутно пояс-

няя, что никто им ради этого дела специально обученную женщину в переднике не выдаст. А случайная женщина если и появится на квартире, то лишь с кольцом на пальце. А на левом или правом – сама решит. Всё-таки русские – православные, а немцы – католики или протестанты. И носят кольцо обручальное на разных руках, а наоборот лишь когда – вдовцы или вдовы. И одно это говорит о том, что в одном русле думать никогда не будут.

«Немцы неправильно всё делают, начиная примерно от одиннадцатого века», – пробурчал внутренний голос Бориса: «Придумали тоже: раскол церковей устраивать в 1054-ом, в гости с крестоносцами Ливонского ордена в 1242 заходить помывться. Ливонская война, опять же 1558-1583 годов прыти им поубавила. Брусиловский прорыв им в 1916 году, видите ли, не понравился. А в 1941-1945-ых годах, вообще, многое закреплять в умах пришлось, что не одни они на белом свете жить могут. Да уже в начале 21 века повторять многие истины их внукам пришлось. Повторение – мать учения»!

В историю Боря углубился, пока Роман Петрович Новокуров билеты учил для получения Шенгена и все уши про них прожужжал. Как и про культурные особенности немцев, которых германцами только журналисты называют, когда торопятся прочитать текст по бумажке. Хотя с другой стороны, и о Немечии никто никогда не слышал.

«Дома разуваться принято, что в России, что в Герма-

нии», – пробурчал внутренний голос человека, который всегда к новым знаниям стремился: «В отличие от какой-то там Америки Соединительных Штатов, где вроде бы раз в месяц тротуары шампунем моют, а по сути дома так же грязно, как на улице. Потому как никто не будет пылесосить и мыть полы каждый день в помещении от ста квадратных метров и более. А клининг нынче всё дороже и дороже».

Боря вздохнул, сам никуда идти не желая. Да, история с географией полезны, но у «домашнего очага» снова сегодня погреться толком не удалось. Работа на голову свалилась перед самым сном.

Что же представлял собой их «очаг»? Рабочей обителью для Олафа и Бориса стала однушка в панельном доме, полученная от начальства «на квартал». То есть на срок, который можно перетерпеть отсутствие ремонта и голые стены и не замечать ужасные попытки тот ремонт сделать. Главное, что батареи греют и окна вставлены. Хоть и по «технологии двойного остекления»... с ватой между рам. А той технологии Глобальный коллегу и научил, вату подавая и самостоятельно ножом подпихивая между деревянными створками, где дуло особо, до дрожи стёкол.

Удивлялся Олаф такой технологии, но до первых морозов молчал. Квартира как квартира. Не то, чтобы здесь раньше бомжи дрались за право посрать у стенки, но собаки точно жили. Они же линолеум и погрызли. А люди или животные больше урона жилплощади причинили, сразу и не понять. И

если одним выражением характеристику помещению давать, то «квартира в неблагополучном районе».

Но район то их! Пока сами не сделают, лучше не будет.

– Борис... – Олаф Мергенштольц хоть и говорил с заметным акцентом, но к концу месяца уже не переспрашивал каждое слово и в словарик за пояснениями не лез. Однако, он словно нарочно говорил имя напарника с ударением на первом слоге – **Борис**. Хоть тысячу раз возрази, но у немца помимо вредных привычек был и вредный характер.

Всё равно назло сделает.

«А, может, всё дело в одном политике, который всю Европу так говорить заставил»? – пробурчал внутренний голос, что следом за историей, географией и культурой под вечер решил в политику податься: «Борис Джонсон который».

Телевизора в квартире нет, но в телефоне каждая новостная закладка докладывает о нём. Хоть всю работу брось и сиди только слушай о блондинах в политике или того хуже – Байденах.

Пуская струю с заметными перерывами, как будто простата размером с кулак, от Олафа тем временем снова слышалось:

– Борис, я хочу помыться, поесть и поспать. Это нормально для человека.

– И что? – буркнул напарник, гадая спустит ли воду в этот раз или снова забудет.

Спустил. Даже руки пошёл помыть, перевыполнив план

по гигиене.

– Как что? – удивился немец. – Давай есть и спать! Это естественные потребности! Я и не знал, что их нужно указывать в договоре!

Боря покачал головой. Напарник сносно знал русский язык, но истин простых не понимал. Различий, что что есть – «надо», а есть – «очень надо», не делал. Придёшь к такому ночью на порог, от волков три версты убежав, а он к очагу не пустит, пока не выяснит что хотел. А всё выяснив и в темноту постреливая для острастки от голодных хищников, всё равно утром попросит прийти. Неудобно ему, видите ли. Такому лучше, чтобы все сами свои проблемы решали. Бегаешь, мол, хреново. Да и порох в мушкете отсырел неспроста. Ну кто так делает, скажет немец условный? Вон как надо... И превратится в капитана-очевидность, рассказывая о надлежащем хранении. А то генералом станет с инициалами «Надо Было Так».

Пока Боря напарника в шапке-треуголке представлял, который каждому раненому солдату объясняет, что тот плохо воевал и нужно было совсем иначе, (ему из палатки виднее), Олаф снова руководителя включил и в штыки встал:

– И я не понимаю, почему мы работаем по тринадцать-четыре часа.

– Ты засекаешь? – удивился русский сантехник, который часов за работой не наблюдал. Идёт, да идёт.

Время со стартом отопительного сезона летело для Гло-

бального так, что света белого не видел. В основном на трубы и паутину смотрел. Промежутки дня делились лишь на оплаченные управляющей компанией по ставке часы, сверхурочные часы и подработку, что уже для себя, то есть – «мимо кассы». А как иначе, когда на бензин, еду и квартиру копишь?

– Конечно засекаю! – добавил напарник лысенький, не горя желанием снова выходить под метель и завывающий ветер русской зимы. А то последние волосы растеряет на лысеющей макушке. Снаружи – завывает. И на ночь глядя ветер там только усиливается. Ещё и первый «настоящий» снегопад синоптики обещали, как будто до этого снега им было мало.

Лишь Боря помнил со службы, что летом дождей особо не было, а природа помнит о долгах. При случае возвращает. Просто любит русская зима перед немцами во всей красе себя проявлять, а Олаф всё понять не может, почему они до Сибири не дошли. А всё она, родимая!

Вот и сейчас иностранец сделал умный вид, снова обуваюсь и спросил:

– Почему у вас в ноябре зима всё ещё осенью считается? Вам что, снега мало в качестве доказательств?

– Так это потому что календарная. Ты ещё толком и зимы не видел. Это так, предварительные ласки.

– Но там же снег! – возмутился коллега. – Говорят, что дальше будет только хуже, но куда ещё хуже? И так – снег!

Что, вообще должно случиться, чтобы русские в зиму поверили?

Боря прищурился:

– В Германии снега не бывает, что ли?

– Бывает, конечно, но на Рождество... Пару недель как мукой сверху присыплет и всё, – объяснил немец и вздохнул. – Чтобы ёлку было чем украшать. На улице. Искусственную. Хотя она уже и не ёлка, а политически-корректное зелёное дерево. Больше на анальную пробку похожа. Но мы терпим.

– Ну да, кому нужны эти вековые традиции по украшению елей? – посочувствовал Боря, сам о праздниках не думая. Некогда ему думать куда поставить ёлку, когда жить негде. Просто ходи, да у людей смотри мимоходом, у них же и грейся и руки мой.

– Традиции у нас есть, да. Но... нельзя.

– Почему?

– Потому что ель – символ христианства, – вздохнул Олаф. – И может обидеть чувства других верующих.

– А зачем вам другие верующие?

На этом вопросе Олаф застыл. Конечно, они пытались решить этот вопрос. «По-своему», одна «Вальпургиева ночь» чего стоила. Но мир как-то не понял и не принял, а потом и сами смирились.

Боря даже за плечи немца взял. Потряс, сочувствуя подобным мелочам жизни. Куда-то они там в своём равенстве не туда ушли, балансируя между фашизмом и человеколю-

бием, сочетая это с инквизицией и прочими крестовыми походами и концентрационными лагерями. Так, раскачиваясь туда-сюда и позабыли о самом человеке в своих вечных поисках райского сада с призывами прорываться на восток. Он же – «драх нах остен», о чём ещё в школе говорили. А запомнилось легко потому, что присутствовало слово «нах».

«Но под Москвой в сорок первом немцу ещё хуже было», – тут же напомнил внутренний голос Боре: «Так что пусть не жалуется и одевается, да и ты ветровку захвати поверх рабочего, а то вдруг продует»?

Вслух свои мысли Глобальный говорить не стал, дабы снова не ломать хрупкую картину европейского мира. Да, немец и зима – не союзники и даже не дружат. Но и знать о том, что коллега пока даже на зимнюю куртку не перешёл, Олафу рано.

Спасая же самого коллегу, Боря напарнику ушанку подарил. И тулуп с валенками батиными из гаража привёз сразу, чтобы до весны без потерь дожил иностранец. Тем набором Олаф на улице в последние дни с первым снегом и держался. А то придумал тоже – в ветровке и кроссовках приехал, и в шапочке спортивной толщиной в миллиметр, которая и от комаров никаких не защитит, не то, что от «белых мух». Не любит Сибирь таких беспечных. И ошибок им не прощает.

Лысенький, щуплый, к тридцати годам безумно похожий на мумию, Олаф всей своей мертвенной бледностью показывал, что вот-вот помрёт от климатической адаптации. Жизнь

его, мол, к такому не готовила и температура ниже нуля по Цельсию ему противопоказана. Но жалеть иностранца было некогда. Старт отопительного сезона заставил скинуть шесть килограмм даже Борю, на теле которого ещё с техникума ничего лишнего не задерживалось, кроме случайной женской руки. Но запара такая, что даже не до женщин!

За последний месяц Глобальный так подсушился на беготне с трубами и батареями по лестнице, как не снилось ни одному спортсмену на «сушке». Всё лучше заседаний в бане и бега в гору с утяжелителями.

«Но Дарье о том лучше не говорить. Обидится», – напомнил внутренний голос: «К тому же приятно смотреть на неё сзади, когда приседает».

Осознав, что соскучился по спортсменке-блондинке больше, чем по сну, Боря даже разозлился на себя, буркнув:

– Олаф, не ной. Сотрудник попросил помочь.

– И что?

– Свой человек, понимаешь?

– И что?

– Значит, надо помочь!

– Так пусть оставит заявку! – взмолился бледный немец.

– И завтра первым делом с него и начнём.

Боря посмотрел на него как на падшего, поиграл бровями, усмехнулся. Нет, не понимает. В валенках, тулупе, ушанке, посавший, а всё ещё не понимает, что есть зов человека, погружённого в нужду по самые уши. Такой громкий, что

утра дожидаться не сможет.

– Есть же аварийная служба! – напомнил Олаф, пытаясь достучаться до рационального мышления загадочного русского мышления.

Что за люди? Жертвенность какая-то. Придумали тоже себе другую систему ценностей. Закрытые какие-то. Консервативные. Гей-парады не проводят, мама с папой у них из двух разных полов состоят. Как у таких Евровиденье проводить? Не модные в своих тулупах, отдыхать ночью не умеют!

Глобальный к возражениям немца прислушивался, но как-то про себя. Предпочитал больше дело, разучившись спорить с европейцем ещё в первые дни по прилёту. И лишь постепенно направлял адаптанта в сторону верного мышления, не желая ломать того через колено.

– Есть, а ещё есть «аварийная дружба», – объяснил Глобальный. – Она же – «дружба по знакомству». – Вот у тебя друзья есть, ради которых ты ночью подскочить готов?

– Какие друзья? Мне почти сорок! – возмутился немец.

Боря покачал головой. Не будет же говорить коллеге, что работают они сверхурочно для того, чтобы директор Тимофей Вольфович перестал тыкать пальцем в падение показателей. Раньше-то Глобальный один работал и по тридцать-сорок заявок за день делал, да на месяц на двоих делил с фантомным напарником, чтобы сильно не выделяться. А теперь, когда дали конкретного помощника, всё прахом пошло. Десяток едва наскребал заявок за день. А всё, пото-

му что заполнял бумажки Олаф столько же, сколько работал. Ни больше, ни меньше. А ещё тратил время на объяснения и не был чужд философии на тему «а я бы так сделал, потому как у нас в Европе все так делают».

«Словно нам тут всем не похер то, как там делают в Европе», – добавил внутренний голос Бориса.

Говорил ещё немец с таким умным видом, словно не знал, что все философы – бомжи, а метафизика – хуйня. Об этом тоже утверждал Роман Новокуров, который Европу покорять собрался.

«А где теперь тот Роман»? – спросил внутренний голос следом: «Известно, где! Жизнь бюргера вкушает полной ложкой».

Боря скучал по сводному, младшему брату, которого едва узнал. Только проникаться начал, как тот улетел. А столько вместе лимонада не выпито и песен не сыграно, не сосчитать. Да и на рыбалке ни разу не были. Розетки только научил менять его и счётчики ставить, а вот мотор перебрать или в карбюратор залезть вместе – не успели.

Боря вновь открыл дверь квартиры, сказав скупно:

– Пошли.

– Нет, – заспорил упрямый немец.

– Это не обсуждается, – заявил Глобальный и вытолкнул напарника под свет одинокой лампочки на площадке.

В первый день на движение детектор поставили, но уже на второй день его не оказалось на месте. Кому-то нужнее. А

вот лампочка пока держалась. Все давно на энергосберегающие перешли и «лампочками Ильича» брезговали. Такую не перепродать, не обменять.

– Пошли, говорю!

Олаф, хныкая как ребёнок, вышел. Боря закрыл за обоими дверь. Конечно, можно и настежь оставить открытой. Воровать на рабочей квартире всё равно нечего. Антон Сергеевич давно всё ценное вывез или не завозил вовсе. А узнали они о наличии такой квартиры лишь когда копать под бывшего директора начали. Дела уголовные как завели, тут недвижимость и всплыла, которую он посуточно сдавал лицам с нетрадиционной жизненной позицией. Кому? Так выбор не велик. Либо сатанистам, либо маргиналам, либо либералам, сразу и не скажешь. Но все на стенах и полу автографы оставили. Каждый свою внутреннюю суть проявил в пентаграммах и кучках в знак протеста. Но против чего конкретно возражали – написать забыли.

Молодой сантехник первым побежал вниз по лестнице, показывая, что есть ещё энергия. Тогда как напарник терпеливо дождался лифта с пятого этажа и вышел на улицу на минуту позже, кутаясь в шапку-ушанку.

Вроде подарили как сувенир, а носит каждый день. Очень, говорит, штука действенная. Никогда бы не подумал, что реально уши бережёт!

Микроавтобус остыть за пять минут не успел. До гаражей далеко. Приходилось Борису ставить у дома. Зато транс-

порт всегда под рукой. А на дизельные автомобили по стране спроса нет, угонять стали реже. Потому что даже бодяжный дизель почему-то дороже чистого бензина. А почему – никто толком понять не может. Соляра есть соляра, отработка есть отработка, но по цене сравнима с золотом.

Усаживаясь в тёплый салон, Олаф снова забурчал:

– Нет, я ещё могу понять, почему мы едим только пельмени и котлеты на ужин, но зачем куда-то ехать в ночи, если это не наша забота?

– Утром сосиски были, – припомнил Боря, выруливая на трассу.

Готовить ему действительно некогда, разве что убираться раз в неделю. Был бы один, к Наташке бы забежал на борщи или к Даше на рис с суши. Фитоняшка-же! А с напарником вдвоём как-то неудобно в гости ходить. Подумают её, что нахлебничает, а он и порадовать женщину в соседней комнате не сможет, так как у Олафа есть скверная привычка прислушиваться.

Да Глобальный и сам не сразу привык, что слова немецкие в квартире звучат, а картинки подходящей рядом нет. С женщинами страстными и по теме восприятия. Хоть глаза не закрывай рядом с Олафом. А то чудится всякое. Русые, блондики, брюнетки. Но больше рыжие во сне доставали!

Но спать по сути, некогда. Октябрь – месяц авральный получился. Дашке батареи едва доделать успел в Юности перед подачей отопления, и с «семьдесят второго» дома постоян-

но дёрпали, где в подвале по доброте душевной Боря заменил трубы устроил с «абсолютного гнилья» на «свежеворованные», то есть «успешно отработанные» тем же Антоном Сергеевичем у государства, а затем возвращённые сантехником благодарному народу от подобных предприимчивых и запасливых директоров.

Ноябрь только начался, но должен был ему соответствовать. Температура плавно повышалась в батареях и чем выше поднималась, тем больше случалось прорывов. Попутно Коба звонил с заказами день-через-день. И старые клиенты нет-нет, да напоминали о себе. «Сарафанное радио». Все Бориса Глобального по знакомству советуют. Вот как такие дела другим поручить?

«Да и – кому? Олафу»? – подумал с усмешкой Борис.

Глобальному иногда казалось, что лучше бы Олафа с аэропорта не забирал вовсе. Какой, вообще, обмен сотрудниками? Мало того, что прислали бюргера-бюрократа с бзиком по технике безопасности, который без перчаток не умел работать, (а старые под конец рабочего дня готов был выкинуть), так ещё и сдуру на джипе его встретил вместо микроавтобуса. А когда Олаф по любопытству поинтересовался, откуда, мол, машинка премиальная, Боря сразу и шутканул, что «на работе такую выдают каждому русскому сантехнику для удобства». Так Мергенштольц на радостях чуть на русское гражданство не подал в первый же день. А попутно при любом удобном моменте Тимофея Вольфовича уверял, что

«готов влиться в дружные ряды сотрудников на постоянной основе, если к джипу ещё и квартиру служебную в придачу оформят». Ему бабушка из ГДР, мол, рассказывала, что такие раньше выдавали сотрудникам просто за сам факт работы на работе. И было подобное не на Луне или Марсе, а по всему СССР. Но мир, где нужно было немного работать на благо всех почему-то не всем понравился. И выбрали тот, где нужно было работать много, но уже на себя.

Чтобы влиться в дружный коллектив управляющей компании «Светлый путь», Олафу ещё только предстояло понять, что Леся Василькова Борису показатели по дням раскидывала за четверть прибавки сверхнормативов. Тем и дружили. А охранник Егор, вообще, мужик отличный. Мало того, что от начальства всегда прикроет и с Романом не сдал, под дурочка закосив, так ещё и трёх отличный дочек растит.

«Выживает, как может, мужик. Ну как такому не помочь»? – подумал Боря: «К тому же охранник всегда знает, как звучит любое слово по вертикали или горизонтали. Такому даже интернет не нужен».

К дому охранника управляйки подъехали быстро. Домофон не работал. Дверь настежь так, что заметать начало. Тревожный знак!

Боря привычно по лестнице вверх помчался, а Олаф вновь лифт вызвал. Когда на седьмом этаже встретились, лимит вопросов по десять штук в день немчик сразу и превысил.

– Почему снова насрели в лифте? – спросил он как у управдома на еженедельном отчёте, вздумай такой существовать в простом панельном доме.

Боря и сам невольно в кабинку заглянул. А там осторожная колбаска в уголке лежит. То либо собаки двухметровой ДНК, либо человека без принципов с говённым внутренним миром. Вздохнул сантехник снова. Сразу понятно, кто там собака, а кто человекен. Но если рассказывать начать – не поймёт же.

– В смысле насрели? – нахмурил брови Глобальный, как в первый раз. – Может, это стандартная лифтовая комплектация?

– Боря, я трижды на эту шутку не куплюсь! – воскликнул Олаф.

В первый раз он действительно с интересом разглядывал «новую модификацию». А во второй нос зажимал от «побочных эффектов ускоренного процесса модернизации», но ничего не имел против. И вот – привык.

Глобальный улыбнулся, подумав про себя: «возражает, значит энергии ещё много».

Роман так просто кивал под вечер. А как он его учил в последние дни перед поездкой – любо-дорого смотреть было. Спать стоя без всякой армейки научился. Зато любые трубы наладить мог, сварке научился, а при словах типа «фитинг» или «прокладка» не краснел больше. Курс молодого бойца за пару недель выучил, который некоторые годами проходили.

Теперь на месте они. Звонок в дверь. Егор хоть в трусах и майке встретил, но жена как для дорогих гостей уже чай поставила с вареньем. Блинами пахло. Свежими.

«В ночи пекла. А это – показатель», – отметил внутренний голос.

Олаф, не разуваясь, только на кухне помыл, да там же с ходу и остался. А как присел за стол, как давай хозяйке про преимущества Болонской системы образования рассказывать перед «специалитетом». Оратор прошаренный. И блины один за другим уплетает. Хозяйка только кивает в ответ. Сонно, но довольно интенсивно.

Боря, разувшись из уважения к людям и только слюну проглотив, сразу на проблему бросился. Не мог русский сантехник иначе поступить, когда на душе у хозяина тяжело было. Всё-таки капелька капает.

«Сначала дело! Потом тело», – подбодрил внутренний голос, намекая на блины.

Прошли до санузла вдвоём. Одним плечом Боря едва велосипед не задел, прикреплённый на стене, а другим стремянку. Коридор заужен шкафом-купе.

– Ну вот как-то так, – обрисовал быстро ситуацию Егор, теребя в руках пачку от сигарет.

Грустно ему показывать пол продырявленный сантехнику. Только инструменты убрать успел. А лестницу и утром на балкон убрать можно. Ничего с ней не будет. Пачка же в руках как атрибут от волнения просто. Дома курить жена

не разрешает. На работе – начальство против. А между домом и работой если одну и успеет покурить туда и обратно на тысячу шагов, то ещё хорошо. Не на заднеприводном же седане на работу ездить!

Но всякий в управляйке знал, что даже бегая на работу и с работы пешком, покурить Егор не успеет! Потому что вежливый и то одной бабушке объясняет, почему у них сокращённый день в УК, то с другой здороваётся и насчёт горячей воды объясняет, почему та холодная. Каждая собака его на районе уже знает. И та облает по пути.

В последнее время, правда, проклинать сходу перестали и под ноги плевать охраннику сухощавому. Но это от Бориной работы сугубо, а эффект прошлых накоплений ещё нет-нет, но давал о себе знать. Как при Антоне-гандоне работали долгие годы, так и встречали сотрудников местные жители, хоть трижды им про «ребрендинг» расскажи и «перезагрузкой» его назови, всегда найдутся «староверы».

Боря, на краны мелкие внимания не обращая, склонился над бачком унитаза сразу. Дозатор достал, надавил пальцем, щёлкнул головкой пластиковой и на место деталь поставил. Резинку проверил поролоновую сверху, прокладку снизу пощупал резиновую – годные. Тут же обратно всё водрузил в конструкции, пальцами закрутил, подтянул заодно пластиковые крепления туалета. А пока ключ из пояса рабочего доставал на штанах синих с подтяжками, сказал голосом наставника:

– Смотри, Егор. Пластик всегда подтягивается пальцами. Если демон какой внутри призовёт тебя испробовать силу металлического инструмента, гони его прочь! Так как металл всегда... уточняю ещё раз – всегда!.. сильнее пластика. Битва их обречена на победу физики.

С тем заявлением Боря затянул осторожно гайку с гибкой подводкой, не доводя до кризисной точки с простонародным названием «кажется, сломал». Но и спуску расхлябанности не дал. Затем сразу включил общую подачу воды, а затем персональный кран к унитазу отворил, как будто ничего не боялся и с соседом готов был спорить до победного хоть всю ночь напролёт. Вода в бачок не потекла тоненькой струйкой, а побежала мощным напором. Но сколько бы Егор не приглядывался и не заглядывал за унитаз, на полу ни капельки.

Сантехник только руки помыл и кивнул:

– Всё.

Работа заняла плюс-минус две минуты.

Егор только рот открыл:

– Так а... что за магия?

– Да какая магия? – отмахнулся Глобальный. – Ты только под дозатор в бачок никаких жидких гвоздей, герметиков или иной субстанции «для герметичности» не заливай. При постоянном контакте с водой заплесневеет всё за месяц или грибок покроется. Семье потом этим всем дышать. Поверь мне, прокладки и резинки вполне достаточно, чтобы держать пластиковый дозатор на месте без протечек. Ну а что трубка

металлическая на подводке капать может, так её главное не перетягивать. Пальцами, конечно, дело не исправить, но и с разводным ключом нежнее, надо. Понял, Егор? Как с женщиной.

– Нежнее. Понял.

Егор тут же в спальню сходил и с кошельком вернулся, тысячу из него достал, протянул.

Боря вновь брови нахмурил:

– Ты чего?

– Ну как чего? – удивился охранник. – Я тебя среди ночи дёрнул. Психанул. А оно вон оно как, оказывается. Нежнее. А я думал просто – говно. А это не оно говно, а я говно, получается. А мы, в целом, всё-таки танки делаем и в космос летаем. А скоро, вообще, свою космическую станцию запустим. Тогда совсем не до мелочей в бачке унитаза будет. Так кому объяснять об этих мелочах народу, как не простому сантехнику в ночи?

Боря, давно осознав, что в ночи с людьми спорить бесполезно, тысячу взял, но тут же её под куклу на полке сунул и сказал:

– Это малой на подарок. В садике, знаешь ли, тоже не сладко живётся. Так что купи ей шоколадку. А лучше три. У тебя всё-таки трое дочек. Только за старшей присматривай, а то она мне всё чаще глазки строит.

– Да ты и так их разбаловал уже всех! – воскликнул Егор. – В прошлый раз мелкой единорога купил, когда под ванной

потекло и я тебя с обеда дёрнул. А там не текло, оказывается, а труба для слива с машинки стиральной наклонилась. А до этого ты им всем торт купил, когда машинку стиральную чинил «от вони» на выходных. А что ж знал, что дело всё в косточке от бюстгальтера? Я ж не знал, что на ней грязь собирается и в сливе копится. А в праздничные дни я тебя чего дёргал? Не помню уже.

– Егорянтый... перестань, – миролюбиво, и немного сонно улыбнулся Боря. – Мы же трубы народу в «семьдесят второй» вынесли со склада?

– Вынесли.

– Считай, благотворительность. Но – опасная. Да, люди их годами оплачивали. Косвенно. Но начальству уже не докажешь. А так сделали и сделали. Вот и тебе косвенно работа досталась. Кармическое добро.

Охранник кивнул. Приятно всё-таки жить в мире, где кешбек не баллами начисляется после покупки, а сразу купюрами возвращается. Из рук в руки. А тут ещё и кармическая побочка возможна, оказывается.

Боря, лестницу погладив и глядя на велосипед в коридоре подвешенный, добавил:

– Слушай, впятером в двушке... Не тесно? Вере же вскоре в институт. Не бесят друг друга в зале? Я с сестрой то еле-еле под конец вдвоём в одной комнате жил. А если мальчика приведёт, как жить будете?

– Ещё как бесят! – ответил отец и голос понизил. – Да

что поделаться? Я с этой ипотекой ещё разбираться десять лет буду.

– Так, а поменяться с доплатой?

– На трёху если менять хоть с голыми стенами, то это ещё лям как минимум сверху надо, – сходу прикинул охранник-риелтор, так как «газетки почитывал». – А где мне его взять? Зарплату за двадцать лет вперёд не выдадут.

– Двадцать лет? Не хило так.

– Ага, мы же там по идее уже на лунной базе должны обитать или на Марсе, так что людям будущего чуждо наше бренное настоящее.

Боря нос потёр, очумев от таких сравнений. Охранник творческий. Вроде и стихи украдкой пописывает в тетрадку. Но никому её не показывает. Мельком только глазу удаётся зацепиться в проходе.

И тут Боря невольно вспомнил о миллионе на счету, который Василий Степанович в банк на вклад на три месяца сунул. Половина срока позади уже. Сам, правда, без жилья ныкается. Но два гаража и две машины под жопой. А служебная квартира на квартал проплачена, как минимум. К весне всё равно по шабашкам на фундамент насобирает. Там разве много надо? Не заказывать же бригаду будет, а сам всё сделает. А это втрое дешевле. Материалы только кусаются. А цемент, арматуру и доски для опалубки всегда раздобудет. Желаящие покопать найдутся. Просто они об этом пока не знают.

«Дом за год не построить», – прикинул внутренний голос: «Хороший, имею ввиду. Лучше бы годик фундаменту устояться. Кто сразу строит, тот часто сразу и продаёт недострой».

Видеть озадаченное лицо Егора – тяжело.

– Слушай, ну может чего-нибудь придумаем, – подбодрил Боря. – Ты нос держи по ветру.

– А хера мне грустить? Пока жив, буду дышать, – вздохнул в ответ помятый жизнью и ночными обстоятельствами глава семейства. – А пока дышу, буду бороться.

Золотые слова. Даже помочь ещё больше захотелось. Только сначала – детали.

– Тут видишь в чём дело, – продолжил Боря. – Я в лючок заглянул, там за приборами учёта стена чёрная.

– И... что?

– Как что? Плесень тут, Егор. А может и грибок. Зря в короб трубы зашили. Дышала бы хоть стена. Сверху когда пластик или плитка на фанере – не видно. А внутри – «швах», как говорит мой коллега.

– Это точно, я в ванной между плиткой швы и так каждый год от черноты обновляю. Да без толку. Помоемся один, другой, пар и сырость – и всё, готова новая поросль.

– По вентиляции из подвала пакость та тянется. А в тех подвалах мрак и такое отчаянье, что и тараканы жить не желают, – кивнул Боря. – Но детям тут жить тоже не стоит. Давай подыскивай трёшку. С разменом может уладим.

– Уладишь тут, – буркнул хозяин.

Боря улыбнулся. Вот есть люди, которым сложно внедрить методикой НЛП-программирования или пропагандой свою правду. Они на всё сарказмом отвечают. Иммуниет к чуду.

Но Егор всё же тыковку почесал и заявил:

– Подумаю ещё. Малая и правда постоянно кашляет. А средняя то driщет, то запор три дня. Старшая вот, правда, здоровая лошица. Но её мы ещё в бабушкином доме в деревне взрастили. На молоке козьем.

Боря невольно сглотнул. При мысли о молоке в животе заурчало. Развивая мысль о добродетелях, и обсуждая детали, сантехник на кухню с хозяином прошёл. А там – непонятки. Жена Егора стоит красная как рак, словно стыдно ей.

Глобальный уже решил, что в адюльтер подался немецкий коллега и скабрёзные вещи говорит, а то и за попу в халатике строгом трогает. Ан нет, всё оказалось гораздо прозаичнее. Олаф в одну харю все блины сожрал!

Жена Егора только грустным голосом сказала, на немца поглядывая:

– Ой, а у меня больше яиц нет... Боря, ты завтра приходи. Я тебе отдельно напеку. Будешь бутербродики?

Глобальный улыбнулся, кивнул. И коллегу по плечу хлопал. Куда только влезло? Стопка же была.

«С голодухи наелся, рожа ненасытная», – добавил внутренний голос: «Если в ночи помрёт, ты сильно за него тогда не переживай. На родину последнюю зарплату только отпра-

вим. Туда ему и дорога».

Мергенштольц по животу себя поглаживая, на стуле развалился только и сказал с довольным видом, словно оплошности своей не замечая:

– Домашняя еда – лучшая на всём белом свете. Твоя жена отлично готовит, Егор. Не зря мы среди ночи подорвались.

Его даже после таких слов бить расхотелось. Вроде как комплимент сделал и свою чёткую роль обозначил.

Но Олаф тут же сам всё испортил. Подняв палец как наставник для подмастерьев, он рыгнул и добавил:

– Но моя – лучше. Кстати, в конце месяца прилетит. Тогда-то я, Боря, и покажу тебе, что такое знаменитая кровяная колбаса «по-боварски».

Боря с Егором переглянулись только. А Олаф добил с довольной рожей:

– Только когда она приедет, я попрошу тебя съехать, Борис.

– Так это... это самое, – растерялся Глобальный, не ожидая таких фортелей от судьбы.

– Я разговаривал с директором, – объяснил коллега. – Он говорил, что однушку на меня одного и снимали. Ты мне всё за месяц уже показал, поэтому плату с тебя брать не буду. Но дальше мы... сами.

Теперь маковку почесал уже Боря, не рассчитывая, что на зиму глядя жилья лишится. Только окна законопатил.

Выжил бы он там, как же.

– Да я и на кухне спать могу! – попытался возразить Глобальный.

Но немец коварный в положение входить не стал. И только головой покачал:

– Так не пойдёт, Борис. Жена есть жена. Сам понимаешь.

«Найн или немного нихт», – добавил внутренний голос Бориса: «Вот же змея подколотная! Зачем только валенки ему отдали?»

Но в чём-то немчик прав. Что задержался у коллеги, сам виноват. Всё-таки сначала показывал, «как тут что», потом готовил «как у них», убирал «как принято». Возил ещё везде и повсюду, чтобы в розыск на немца по городу не пришлось подавать. Ну и по хозяйству помог чем смог. А то как-то не по-христиански в бараках селить.

Однако, это не повод жить с ним на казённых метрах! А то может по ту сторону мира Роману тоже в однушку умника какого-нибудь умного подселят, а тот его плохому и научит.

Либо сразу, либо, когда язык освоит.

«От немцев как известно, хорошего не жди», – завершил внутренний голос этот кармический посыл и прикинул, что миллион с такими коллегами может вскоре и самим потребоваться. А до него ещё дотянуть надо. Новый Год ещё не скоро.

Глава 3 – Жилищный вопрос

Утро для Бориса началось не с кофе, а с вопроса – где ночевать в следующий раз? Конечно, можно протянуть до последнего и забрать вещи уже когда жена Олафа придет. Всё равно в аэропорт за ней ехать в областной центр. Но если щуплому немцу хватило храбрости сказать – «уезжай», придётся озаботиться переездом пораньше.

Накипело, похоже.

«Укрепил силу духа немчик. Наверное, не зря мы его батареи заставляли красить», – добавил внутренний голос: «А теперь с женой как заживёт при встрече, только держись! А когда начнёт показывать КАК соскучился, лучше этого не слышать и не видеть... немцы всё же. А соседи всё равно решат, что вы на пару порнуху смотрите».

Боря рывком поднялся с раскладушки. До будильника ещё пять минут. Сила привычки подниматься раньше него сформирована ещё в гараже. В дни, когда не было света, а на пары опаздывать не хотелось.

Мергенштольц на кровати спит и в ус не дует. Во-первых, потому, что усов нет. Тупо не растут. Как и борода. Куцые торчащие волоски бреет нещадно. Природа поскупилась на волосы. Последние с головы взяла и брать продолжает. А куда засунула – известно. Мягко сидит. Да и в сливе постоянно

нет-нет, да виднеется поросль.

«Как будто йети моется. Короткошёрстный», – добавил внутренний голос.

А во-вторых, потому, что есть у него будильник. Затем контрольный будильник. А ещё есть запасной. И всё с интервалом в пять минут. Олаф клятвенно уверял, что дома просыпается рано, но здесь утро тогда, когда у него на родине ещё глубокая ночь. Не привычно. Но месяц спустя привычка никуда не ушла и Боря подозревал, что дело уже в самой Германии. Дойчланд, судя по Олафу, давно не встаёт засветло. Берут пример со знойной Испании, где принята долгая фиеста и вставать попозже.

«Испортил Евросоюз немцев, что ни говори», – заметил внутренний голос.

А, может, дело в том, что за окном темно и завывает так, что хочется одеяло натянуть по самую лысинку и никуда не двигаться вообще? Метель такая, что хочется в отпуск и под пальмами ходить.

Боря поднялся. Какие пальмы? «Дома» нет даже фикуса. Пришлось идти умываться. Тут-то телефон и запиликал. Картинка с рыжей аватаркой выскочила. Эту рожу ни с чем не перепутать.

– Рома, ты никак до вай-фая добрался! – обрадовался Боря, стараясь не фальшивить с зубной щёткой за щекой. С другой стороны, и у него там музыка орёт. На заднем фоне люди мелькают в цветомузыке. А сам братан красивый си-

дит, в кофте чистой и волосами длинными, помытыми.

– Да мы тут с пацанами в клубешник запёрлись. Первую зарплату, так сказать, обмывать, – заявил сводный брат. – На входе оплатили и внутри оказалось, что есть всё. Ну то есть, алкоголь бесплатно дают. А за закуску уже платить приходится. Но кому она нужна? Вот и накидываюсь.

Боря прищурился. С каких это пор алкашку бесплатно раздают? Но утром мозг работал слабо. Всё ещё пытался понять, почему снилась собака, а потом в женщину превратилась? Сначала чесал её за ухом, а потом мыть начал. С шампунем. И гладить между складками. Наверное, подсознание что-то хотело сказать, да толкователей нет.

«Не то время нынче, чтобы к ведьме с дарами на край деревни ходить», – пробурчал внутренний голос.

– Ну как ты там? Рассказывай, – сплюнул зубную пасту Боря и намочив палец, вытер у левого и правого глаза. Затем по капельке с других краёв добавил, не привлекая внимания. Кто, вообще, умывается, когда по видеосвязи сеанс идёт? Месяц братана не видел, не слышал. С моционом можно и подождать.

Только работа ждать не будет!

– Ну что рассказывать? – хмыкнул Рома. – Если бы не работа сантехником, то мылся бы раз в неделю. А так у заказчиков умудряюсь мудя пополоскать и рад. А если жадные попадают или коварные какие говорят, что нельзя мыться, то я условия сразу ставлю «мою только одну часть тела».

Они думают, что руки и кивают. А я ноги мою. Не сразу же доходит, что когда ноги моешь, то и руки заодно моются... Европейцы же!

– Воду экономят, что ли? – прикинул Боря.

– Да тут всё экономят, горячую воду в особенности, – поцокал рыжий. – На бойлерах всё в их жилищных хозяйствах. А в домах холодно пипец. Топят по минималке. А на свете экономят особенно. Вечером вообще какой-то «комендантский час» завели. На улице витрины красивые, конечно, рекламы много, но только днём видно. Фонари или светофоры вообще не разглядеть. Тусклые стали. Говорят, раньше лучше было. Подсветку всю напрочь убрали с достопримечательностей.

– Город-то красивый?

– Красивый ли Берлин? – развёл руками Рома. – Да хрен знает. Ночью не видно, а днём работаем. Это как по пещере без фонарика шастать.

Глобальный улыбнулся. Вот же турист привередливый. Его туда работать прислали, а он с путеводителем шастает и бурчит.

– Куда поселили?

– Да так, к пацанам в какую-то общагу, в комнату на троих, – ответил брат. – Они это таун-хаусами расширенными называют, хотя больше на общагу ПТУ имени Артёмия Тапочкина похоже. Так и живём.

– И как пацаны к тебе относятся?

– Да я вообще не уверен, что они пацаны, – вздохнул Рома. – Один квиром назвался, второй пансексуалом представился.

– Погоняла, походу, такие, – прикинул Боря. – А этот второй, возможно – поляк.

Рома улыбнулся, оценив шутку и добавил:

– Я вообще не понимаю, что за бинарность такая? И что за цисгендеры? И почему они друг друга не только «он» или «она» называют, но и «они»? А выражение «транс» – здесь самое ходовое. «Транс-ебанулись» все разом.

– Рома, ты не в клуб для геев зашёл, часом? – прищурился Боря. – Чего там у тебя одни мужики мелькают фоном?

– Ой, да тут половина таких, – отмахнулся Новокуров. – Кто в платьях ходит, кто в юбке. А кто и голым по площади по особым случаям. Или на еженедельных парадах с радужным флагом.

– По полной расслабились ребята, так сказать, – стянул губы в линию Борис.

– Да, детей только жалко, – добавил брат. – Что должно быть с психикой, когда рядом со школьником дед в автобусе голый едет? А сказать ничего нельзя – права человека, мать его. Уважай его выбор, на член не смотри. Или смотри, наоборот. Я уже точно не знаю. Но обидится в любом случае.

– А нормальные что?

– Ну как что? Есть, – не стал скрывать Рома всех недоработок европейской системы. – Я в них пальцем тыкаю, глав-

ное, на немецком, уровень владения языком повышая, киваю выразительно, а они говорят и говорят что-то. Хрен пойми о чём, мрачные какие-то. Шутке про «хенде хох» не радуются. А ещё их очень «Гитлер капут» печалит. Но я держусь и пою песни рамштайна. Улыбаться сразу начинают, – тут Рома повернулся и включил иностранца. – Эй, мужик? Муж-и-ик... ту мохито виз водка плиз!

Боря, воспользовавшись паузой, телефон на подставку су-нул и завтраком занялся, достав продукты из холодильника и кружку сполоснув. Приятно всё-таки, когда из крана горячая вода льётся, на кухне свет яркий, в батарее тепло под восемьдесят градусов Цельсия и можно ходить по квартире в трусах, когда за окном завывает и метёт.

– А с пацанами как общаешься? Тоже на английском?

Рома махнул рукой перед фронтальной камерой:

– Ой, эти тоже бормочут что-то активно. Ну я тогда брови домиком делаю и переспрашиваю «и что ты там пиздишь? Пиво то пить будем?». Вот где-то месяц они эту мою фразу слушали, пока полностью не перевели. И вот мы, наконец, пиво пьём.

– Дошло, выходит.

– Ага, песни ещё ночью писать пытаюсь. Не спится. Храпят как паровозы. Пастой вот одного ночью измазал. А тот приятеля подушкой чуть не придушил. Я ж его тюбик взял. Свой самому пригодится.

Боря улыбнулся, намазывая на хлеб кусман сливочного

масла и кидая толстый кусок колбасы в палец толщиной. Есть надо много с утра. Потом некогда.

Жуя, спросил:

– Слушай, коварный, а ты что там за пионерлагерь устраиваешь? Ты бы потише в людей пальцем тыкал и нарывался. А то обидятся. В меньшей степени Светлый путь за тебя хочет вписываться, чтобы из тюряги вытаскивать. На кого тебя потом менять придётся?

– Да в смысле потише тыкай? Я, так тыкая, с девушкой тут и познакомился, – Рома расплылся в улыбке блаженной. – Домой, походу, привезу. Влюбился по уши.

– Что, опять? – приподнял брови Боря. – А как же Оксана?

– Да какая Оксана? – снова отмахнулся Новокуров. – Прав ты, бро. Стара для меня. Это ведь сейчас ничего выглядит. А через лет десять уже всё, тётка. А я ещё о-го-го!

Чайник электрический закипел. Турка на газе подоспела. Боря заварил байхового, лимона добавил. А в чашку с кофе молока плеснул. Немчику.

А на брата довольного поглядывая, обронил:

– Так ты новую жертву подыскал? Помоложе?

Не исправится же. Да и что там исправлять? Только умнеть начал. Жаль, что начал с Оксаны. Но не каждому же человеку по жизни толстые умелые проститутки сразу попадают, которые объяснят, как жить надо.

«Эх, Снежана, долгих тебе лет жизни», – добавил внутренний голос с тоном ностальгии картинки подбирая.

Могли же жить себе в гараже, в дартс играть и в бане париться каждый день. Кровать ночью ломать, а днём борщ варить на плитке с одной конфоркой. Но нет же, хорошей жизни захотел и всё старое отринув, в работу с головой подался.

А Рома всё не унимался и почти кричал от восторга, чтобы музыку однотипную, на басах, перебить:

– Вот чую прям, что мой человек! Даже английский ради неё учу. Ну там, хау ду ю ду ит и вся херня, – тут Рома снова повернулся к кому-то и добавил. – Хей, мэн, ту шотс плиз!.. Ноу секс фор мани. Ноу, я сказал! Ты что, блядь такая, немецкого не понимаешь?

– Она что, из Великобритании? – уточнил Боря, глядя как перед братом на стойке виски в рюмках появились, а мужик навязчивый, напротив, исчез.

– Я не знаю. Кто ж о таких вещах в первую встречу спрашивает? Я ей «дюхаста» спел на сцене вживую только, потом мы давай стесняться вместе насчёт «тревелинга даун зе ревира», а потом почему-то уже целуемся у туалета, пока мужики вокруг в юбках и на каблуках ходят и фукают, на женщину глядя.

Боря прожевал и вдруг понял основную мысль:

– То есть ты только что с ней познакомился?

– Ну как «только что»? Да минут уже сорок прошло! Но я сейчас пьян, за временем не слежу, и последствий дальнейшего развития ситуации не предвижу, – кивнул Рома, заливая в себя алкоголь. И с важным видом добавил. – Вижу пока

только самый конец. Тот, где на берегу моря сидим и за руки держимся старенькими. А затем умираем в один момент на закате. Надеюсь мой конец заправлен в штаны будет.

– Рома!

– Что, Рома-то? – улыбнулся брат. – Ты вообще видел какие у дедов яйца висят? До пола почти отвисают. А я видел. Теперь часто смотреть приходится. Общественный транспорт же. Ну и люди с флагами радужными то жопу покажут, то хер в руку сунуть пытаются вместо приветствия... Тяжело в Европе, Боря.

– Так, балбес! Думай о работе. Ты, вообще, там что-то делаешь?

– Да только и делаю, что работаю, – тут Рома опрокинул шот вне кадра, а телефон рядом подсветил африканца и араба за стойкой.

Занюхал рыжий сантехник рукавом и тут же объяснил:

– Эти двое арийцев пока с людьми разговаривают и бумаги оформляют, я всю работу и делаю. Только мне кажется, они на своём разговаривают. Потому что это точно не немецкий.

– Как это?

Рома закашлялся. Не в то горло пошло. По груди себя побил и ответил:

– Тут вообще хер пойми сколько языков звучит. Но нам чаще везёт. А может и квировский контингент попадает. Или там, пансексуальный. Это же польский? Я ни в зуб но-

гой насчёт их заморочек, короче. А эти два моих хлопца там на своём перетирают, чалму почёсывая или на дреды глядя. И всё, есть работа. Я переводчик онлайн однажды включил между делом, а он мне про «еблю обезьян в зимний период» выдал, распознав часть речи. Ну я с тех пор телефон и не включал. Вирус может какой немецкий телефон мой поймал? Ну его. Нельзя так с обезьянкой-то. А тут думаю, давно тебя не слышал.

Боря кипяток с чайника в термос слил на работу, в сумку закинул и спросил между делом:

– А что за работа? Тяжело?

– Да та же: протечки, поломки, краны им поменять, раковины прочистить. С этим любой ебанурик справится, – и тут братан лицом посветлел. – А вот инструменты классные выдали. Обратно сдавать не буду. Домой увезу.

– Это с хрена бы?

Рома тут же приблизил камеру:

– Есть подозрение, что мне не доплачивают. Только вот на один поход раз в месяц в клубешник и хватило... Эй, бармен, ту текила, плиз! Шнеля, давай! Стоп киссинг! Нихт! Бля, ну вы же оба с усами! Найн!.. Ой, пойду пересяду подальше от этих пидрил, короче.

– Рома, дурик. Я сам тебе инструменты тут куплю, – пообещал брат. – Ты опыта набирайся. Языки учи. Полезное что-нибудь делай. Бухать каждый алкаш может. А ты попробуй развиваться в такой обстановке!

– Да тут походу только языками и цепляться, – Рома с кислой рожей посмотрел на целующихся, поморщился и добавил. – В смысле – да успею. А что там мой... ик... заместитель? Трудится и... ик... пашет? Я слышал, они рано встают.

– Всё херня – я раньше.

– Вот и я. Потому что чаще не ложусь вовсе! Столько эмоций. Что это за ноябрь без снега? В майке хожу. Но всё же. Чему ты его там учишь?

Боря невольно к первому прозвучавшему будильнику в единственной комнате прислушался. Но на кровати вроде и ухом не повели, сразу работу второму доверив. А то и на третий понадеявшись.

Вздохнул сантехник. Опять коллегу расталкивать. Потом кофе в постель подавать. Ну и через край немного перелить, чтобы совсем не расслаблялся.

– Мой напарник краски за месяц так нанюхался, что теперь плодиться и размножаться собрался. В валенках волю почувал, гад. Жену забрать теперь хочет.

– На пару будут батареи красить, – сразу всё понял Рома. – А что? Семейный подряд!

– А я не знаю, что ему ещё доверить, – признался Боря. – Краны китайские ломает, в падении проверяя. Сколько типа у нас на улице зимой, ага. Прокладки ему не того качества постоянно, пальцами мнёт, пока не порвёт. И трубы ему, Рома, не те. Ещё и не понимает зачем батареи красить. И в трубах дырки заваривать не собирается. Говорит, что сразу по-

крашенные радиаторные батареи продаваться должны... Ну как с ним работать? Может, домой его отправить?

– Боря, – тут Рому немного повело, но он удержался за стойку. – Да они тут половина на лыжи встают. Все мотают отсюда под разными предложениями. Германия уже не та. Октябрьфесты не те. Я как их платёжки как за газ посмотрел, сразу и понял, почему чая в гостях не предлагают или покушать не усаживают за стол.

– А как же европейское изобилие?

– Какое изобилие? – удивился Рома. – Велики на улице все давно спиздили не примотанные. Гостеприимство умерло. Говорят, в девяностых было. Каршеринги с прокатами самокатов своё отслужили. Воруют. Но мы с пацанами держимся. Ходим в бани их общественные. А там все парятся, прикинь!

Боря улыбнулся, а Рома продолжил:

– И мужчины, и женщины, и вся эта ебота разноплановая-многогранная. Я в первый раз чуть не ослеп. А после второго порнуха меня уже не берёт. Думал на немок белокурых посмотрю, а по итогу на пирсинг в пупке бабки наткнулся. Спереди-то блестит, а сзади присмотришься – бабочка набита. И крылышками так бяк-бяк-бяк при ходьбе.

Рыжий заржал, Боря улыбнулся:

– Рома, прекращай. Питаешься хоть нормально?

– Конечно. Ходим в общественные столовки. Там квашенную капусту дают, прикинь?

– А баварские сосиски? – решил показать знания немецкой кухни Глобальный.

– Не, ну по сосиске тоже один раз дали, – прикинул Рома.
– Но я потом с тем бомжом нормально так за просрочку подрался. Всю неделю пакет трофейный доедали.

Теперь заржал уже Боря.

– Да ты прикинь, трюфели и мраморную говядину откопал! – продолжил гнать пургу Рома. – Срали, правда, потом с них дальше, чем видели. Но уже на рабочем месте... Эх, лучше бы картохи нарыл.

Тут Боря старшего брата включил, сделав суровый вид:

– Ты что, реально с помойки жрёшь?

– Боря, ты не поверишь, но... – тут Рома снова приблизился к камере и подмигнул. – Вся Европа сейчас жрёт с помойки. Им Африка как всю продукцию сбывать по дешёвке перестала, так роли голодающих поменялись. Они же на великах теперь до работы чешут, которые хранят под замком дома. На улице уже ничего не оставить. Видел некоторых бургеров и на роликах. Под пиджак – самое то. А как доехал – в рюкзак. И рюкзак тот в сейф, ячейку, под замок. Замки повсюду, Боря-я-я.

Дальнейшие детали остались за кадром, так как в зале стало громко. Послышались аплодисменты и крики. Потом закричали «Ро-ма, Ро-ма»!

– О, опять тяжеляк просят запилить, – отвернулся от экрана брат. – Давай, Борь, созвонимся. Мамане привет. Мне ес-

ли гитару с ходу подарят, может, и с бомжами больше драться не придётся. Да кто тут сейчас не бомж? Каждый выживает как может.

– Передам, – ответил Боря, но уже опустевшему экрану.

Нарезав бутербродов и употребив один, Глобальный стал сумку собирать. Конечно, к Натахе поедет. Батя к ней вроде ходить перестал. Ну а что Оксана рядом живёт, так это мелочи жизни. Давно должна была понять, что у них с Ромкой ничего не получится. Ветренный пацан. Сегодня одной на кольцо копит, завтра для другой английский учит. А если какую бабочку на теле снова увидит, которая ещё не провисла, может и те планы поменять.

Но тут Боря вспомнил, что сам брат тоже через месяц-другой вернётся. А может и с девушкой. Тогда опять переезжать придётся. А это уже не продуктивно. Другой вариант нужен. А к Наташке разве что на борщ... С вознаграждением.

Даже на душе потеплело.

– Кто звонил? – послышалось от Олафа, который всё же поднялся после третьего звонка, так и не дождавшись кофе в постель. А теперь на пах посматривал, где штаны с подтяжками топорщиться начинали.

Утреннее. Мужское.

– Немцы, – буркнул Боря, отворачиваясь.

– Немцы? – переспросил напарник заинтересованно.

– Да, современные немцы, – кивнул Глобальный и пере-

числил через плечо. – Негр, араб и русский.

– Швайне! – закричал Олаф и тут же ругаться на иностранном начал с оборотами длинными.

Но тех хватило лишь на пару минут. От недостатка словарного запаса немчик по столу ударил, выражая негодование. Чтобы точно поняли – рассержен.

Боря только обулся, куртку накинул, сумку через плечо прихватил и уже на пороге обронил:

– Короче, я съезжаю, как и просил. До работы сам доберёшься, раз ты меня послал.

– Как это? – не понял напарник, что полночи с животом маялся после блинов, ворочался как бегемот, а уснул под утро. И теперь на мертвеца больше походил, чем на ответственного рабочего.

– Ну раз ты решил русифицироваться, то самое время постичь такое понятия как «маршрутка», – подмигнул Боря. – Ферштейн?

Олаф кивнул, а затем лысину почесал, на оставленные ключи на столе посмотрел и спросил в спину:

– Я-я... Слушай, а как так получилось, что у вас многоступенчатые маты?

– Так они нам строить и жить помогают, – зашнуровав последний ботинок, на пороге обернулся Боря. – А ты про что конкретно?

– Ну вот есть «иди ты», есть «пошёл ты», есть «пошёл ты в баню», есть «пошёл ты в жопу», есть «пошёл ты в пизду», а

есть даже самое жестокое – «пошёл ты нахуй». Вроде смысл один и тот же. Всё время надо куда-то идти против своей воли. В всё-таки шесть уровней глубины получается.

– Ну при большом терпении можно и двадцать пять накопать, но это тебе к эстетам, – прикинул Боря. – Ты людей больше слушай, может и станешь человеком к весне ещё... До встречи на работе.

– Борь... – донеслось снова в спину.

– Да? – спросил, не оборачиваясь.

– Пошёл ты в баню! – радостно сообщил коллега, кофе поближе к себе пододвигая и тарелку с бутербродами.

«Научил на свою голову», – вздохнул внутренний голос.

Но грубить в ответ Боря не стал, улыбнулся только. Это выражение давно ничего не значит. Глубины нет.

– Удачи с русификацией, коллега.

Выйдя на улицу в метель, Боря обнаружил, что половина города сегодня опоздает на работу, а вторая просто не пойдёт. Даже микроавтобус замело под крышу. Одна антенна торчит. Всю ночь пуржило, да и сейчас снег такой плотный падает, словно Всемирный Потом кто-то среди лета заказал, а доставить забыли. С опозданием пришёл. Но зато с процентами.

Боря по колено в снег увяз уже возле подъезда. Чем дальше идёшь, тем глубже становится. По пояс снега на дороге намело. А автомобили как холмы белоснежные. Один пониже, другой повыше. Барханы, с которых действительно мож-

но кататься на сноубордах. Его микроавтобус выше всех оказался. Протоптал к нему тропку первопроходца, сантехник разблокировал с сигнализации замки. Багажник ещё откопать надо.

Скинув сумку в снег и орудуя руками как лопатами, (чтобы до складной лопаты внутри добраться), Боря понял, что зарядку можно сегодня не делать. Хреновый из человека экскаватор всё-таки получается. Перегревается быстро, а КПД маленькое. С другой стороны, если эволюция к ластам обратно вывернет, то тонкая работа отсеется. А пока приходится жить как есть. Ни так, ни сяк толком.

Боря осмотрелся на таких же бедолаг по несчастью, что в ночи при свете фонарей из подъездов с лопатами наперевес выходили на работу, учёбу и по делам неотложным. И пробирались или к своим личным автомобилям, либо на остановку топали. Все повязаны одной цепью. Заскоками климатическими.

Умывшись снегом уже как следует, Глобальный решил, что хватит под глушаком места. Натоптал. А раз свободна выхлопная труба, то процесс проще пойдёт, когда заведёт и стёкла отогреются.

Пикнув сигнализацией, автоматика закрипела, силясь замёрзший замок зажигания провернуть. Но без толку. Автомобиль за ночь подмёрз и встал колом.

Скрипит, бурчит, тарахтит, но не заводится. Ни с первого, ни с пятого раза. Только свечи залил.

– Долбанный дизель! В гараже стоять всю зиму будешь! – крикнул Боря технике, что остальные полгода исправно служила.

Дёргая дверь багажника, даже на немецком повторил оборот, как запомнил. Но без толку. Дверь в снег упёрлась. Копать ещё и откапывать.

В свете подъезда фигура вдруг знакомая в шапке-ушанке показалась. В валенках, ватнике, с сумкой подмышкой рабочей. Она вдруг руки в рукавичках во все стороны расставила и на весь двор произнесла:

– Боря-я-я!

– Ну что тебе?

– Пошë-ë-ёл в жопу! – с заметным акцентом добавил радостный немец.

И с тем заявлением бодренько потопал в сторону остановки общественного транспорта. Да не наобум, а по тропинке, по которой уже пробилось с десятков человек. Идти приходилось не по пояс, а всего лишь по колено в снегу.

Натоптали. И к дороге выведет если не тропа народная, то приложение с картой точной.

«И зачем только Сталин их простил»? – буркнул внутренний голос.

Дверь наконец, поддалась. Только не багажника, а откатная дверь со стороны пассажирского салона. Войти в транспорт можно с помощью неё с одной стороны. Внутри даже светло. Но не от лампочки перегоревшей салонной, а через

стёкла с потолка пробивается свет от фонарей и окон квартир. Потому такой микроавтобус и прозвали «аквариум».

Проникнув через салон внутрь, Боря подхватил складную лопату. Когда выбрался, скинул куртку и начал работать с двойным рвением, раскидывая снег вокруг автомобиля гораздо быстрее, чем руками.

Человеку не лапы нужны, а голову включать почаще. Поверить в то, что недобиток арийский доберётся до управляющей компании раньше него, было можно, но как-то грустно становилось. Всё-таки ради него в гараж джип подальше поставил. Чтобы глаза не мозолил. А теперь то того гаража ещё добраться надо.

За злостью работа спорилась, чередуя лопату и щётку. Микроавтобус постепенно избавлялся от плена снега, вновь обозначив свои контуры среди белого фона.

Сначала крыша освободилась, потом стёкла, потом бока. Воюя с сугробами, Боря вдруг понял, что никогда не будет лепить снеговика. Это же в радость должно быть. А тут единственная радость – это поссать среди метели, под прикрытием сумерек и за корпусом автомобиля. Детей при этом травмировать сложно. Потому что дети умные и в такую погоду дома сидят. А если какие взрослые вылезают, то им не до таких частностей.

Забравшись в салон, Боря снова попытался завести с ключа, но без толку.

«Можно ещё аккумулятор подзарядить. Может мощности

не хватает»? – прикинул внутренний голос.

Но для этого прежде соседнюю машину нужно было откопать и реанимировать. А её хозяин спит и видит сны. О том, как бы помочь соседу.

Как же!

– Долбаный ноябрь! – заявил и сплюнул Боря на снег.

Хорошее настроение улетучилось. Колом встала машинка, хоть эвакуатор вызывай. Но те сегодня в городе – на вес золота.

Сделав с десятков звонков, абонент получил в половине случаев «занято» или «сброс», а в остальных попытках был отправлен в ожидание на неопределённый срок или нарвался на цену с умноженным коэффициентом от пяти до десяти от обычного прејскуранта.

– Да что ж такое-то? Уж лучше ребят с обогревателем позову, – заявил Боря холмику с жёлтым под фарой.

Предтеча снеговика без морковки.

Но немного подумав, Глобальный вдруг понял, что та система с тряпками и одеялами, что отлично подходит для седанов и джипов, укрывая капот, для микроавтобусов со внутренним расположением двигателя – хреновая затея. Хоть палатку над ним ставь. Хоть купол парашютный натягивай. Толку мало. Да и за купол – цена особая.

Внутри же микроавтобуса костёр не разведёшь. Греть горелкой бензобак с дизелем – тоже затея на любителя. Если замёрз, то замёрз. Всё. В тепле гаража можно только реани-

мировать.

– Су-у-ука-а-а! – закричал Боря, не сдерживаясь.

Всё-таки внутри салона. Может себе позволить. Час работы коту под хвост. Пальцы обморожены. Щёки красные. Отлично орётся под мокрые ноги сибиряку расстроенному.

Только и остаётся, что чая с термоса хлебнуть, пока тёплый. Китайский термос – не важно температуру держит. А немецкий Олаф с собой забрал. Тот до вечера дотягивал. Тогда как свой максимум – до обеда.

От переживаний по части сравнения технологий, даже глаз задёргался. А затем голове тепло-тепло стало. Боря, за виски взявшись, вдруг понял, что близок к новому обмороку или того хуже – инсульту. Сердечную мышцу-то постоянной тяжёлой работой прокачал, сбоя не даёт, а вот сосуд в голове вполне может от напряжения нервного лопнуть.

«Человеку так мало для смерти надо», – перешёл на лирический лад внутренний голос.

Плюнув на всё и бросив автомобиль, Боря сам на остановку пошёл. Прогуляется, согреется. Такси ждать уже смысла нет. А если и приедет, то хоть половину зарплаты ему отдавай.

«Ещё и ебало недовольное скорчит», – припомнил внутренний голос подобный эпизод.

Уровень наглости таксистов пропорционален погоде. Как старики чувят костями наступающий дождь или снег, так и борзость водил начинается с лёгкого дождика и снежка и

умножаться в геометрической прогрессии с метелью и ливнем. А ещё на них время дня влияет и загруженность трафика уровень кортизола в крови повышает. Потому порой кажется, что «извозчик» как система гораздо сложнее женщины. Но это лишь до той поры, пока женщину-водителя не повстречаешь.

Раздумывая об этом, Боря шёл и пинал снег в негодовании. Жаль метро нет в их городе, как в Новосибирске. Уездный городок хоть и рядом с областным центром, но до миллионика не дотянул со всеми его сопутствующими привилегиями. Вроде и порт есть, и железнодорожный вокзал, и автовокзал. И даже аэропорт был. Раньше. Для малой авиации. Но тот встал ещё в год рождения Бориса и кроме как дрифтерами больше никем и не используется толком с тех пор.

Поэтому – маршрутка. Поэтому – толпа людей с замёрзшими лицами. Из которых больше всего жалко очкариков. Вроде видят что-то перед собой, а вроде и нет. В инее стёкла. А как в тепло заходят – пелена, завеса. Беззащитные лица, растерянные.

Боря пока на нос в перчатках тёплым воздухом дышал и ключи от автомобиля перекладывал, понял вдруг, что нервов вокруг много, а он – один. А себя беречь надо. Руки сразу зашарили по карманам в поисках телефона. Доктор всё-таки ещё по выписке предлагал психотерапевта посетить.

«Пусть там пустырника выпишет, что ли. Или валерьянки», – подсказал внутренний голос.

Пальцы нащупали цветастую визитку. Хорошо, когда одна куртка на все случаи жизни. Полтинник по карманам не потеряется. Другая пока только – плащ-дождевик, вот и всё, что нажил непосильным трудом.

Без особых изысков на визитке было написано: «Цветаева Ирина Олеговна, психотерапевт». И под номером подпись: «К людям – по-людски».

Проникнувшись посылом, Боря даже номер сразу набрал, чтобы бабушкин голос успокаивающий послушать и получить консультацию удалённо. А там, конечно, рублей пять-сот ей скинет. А что? Не в кабинет же на приём ходить. Это всё для мажоров и хлюпиков. А он – мужик. И не собирается всей этой херней с мозгоправством заниматься. Не умеешь решать проблемы, умирай молодым!

Но голос Ирины Олеговны молодым оказался, даже немного томным. Тут-то Боря и понял, что доктору хоть и под шестьдесят, но дочь поздно завёл. Возможно, даже от молодой любовницы.

«Такой дочь свою любит и в обиду не даст. Лет двадцать пять ей. Плюс-минус», – подсказал внутренний голос и тут же добавил: «С такой и поговорить можно. Записывайся что ли на вечер. День-то всё равно по шву пошёл. Раньше не справимся».

Поправив сумку на плече с вещами-пожитками и ополовиненным термосом, Боря даже кивнул мыслям своим. Всё херня, главное беречь здоровье. А переночевать на раз и у

Степаныча можно. Давно старика не видел. А вон и маршрутка. Осталось только с боем пробиться и вылезти без потерь. А город, конечно, рано или поздно наберёт свой миллион населения. И метро им обязательно построят.

Глава 4 – Собачья направленность

Но пока не построили. И Боря устремился в маршрутку.

«Это ж надо было так лохануться и автомобиль без прогрева на ночь оставить. Доверился сигнализации, проспал шесть часов к ряду и всё, колом встала», – пролетела печальная мысль.

Много времени надо, чтобы на ветру движку остыть?

Сантехник готов был расталкивать локтями народ, но с кем сражаться? Все вокруг – люди, а не враги. По итогу сначала пропустил бабушку с тросточкой, потом женщину беременную на ступеньку подсадил, (она в положении и на таких поздних сроках, что даже видно), потом помог школьнице, портфель которой составлял половину от человека. Пришлось поднять на руках подмышки, да так и поставить наверх.

«Если знания того стоят, но новый Ломоносов растёт», – заметил внутренний голос со смешком.

Когда же сам залезть попытался в маршрутку последним, получил в лоб локтем от бабки, а женщина в положении сразу оттоптала ногу. Как слон прошёлся! Тогда как девочка разворотом портфеля придавила к двери так, что невольно затылком стукнулся.

Вот и всё!

Боря поморщился, потирая ушиб. Школьница вроде не виновата, да и женщину с бабкой во враги записывать рано. Просто внутри маршрутки биомасса сама двигается. И если мужик, придавленный к стеклу лицом, руку сзади повернёт или ногой дёрнет, это тело, как единый организм, синхронно ответит. Тогда через шубы и куртки движение передастся волной, а в самой кризисной точке входа по лбу или затылку любому и прилетит так, что рад не будешь.

Тесно!

Но водитель маршрутки не зря играл в тетрис. И едва народу набилось битком, тут же попытался закрыть дверь, чтобы больше монетизации с пассажиров собрать. Но мешала сумка за плечами последнего пассажира. Дернулась раз-два створка и обратно отъехала.

– Так! Мы никуда не поедем с открытой дверью! – донеслось от водителя из той касты в городе, которая в снегопад никогда цены не задирала, но и своего упускать не собиралась.

Боря попытался поднять сумку над головой, но не успел. Бабка первой костылём его вытолкала вон со словами:

– Молодой ещё, сам прогуляешься!

Как итог – сантехник остался на остановке. В одиночестве и вопросом «что это было?». Ветер ответа не давал, снова бил по лицу, кусал щёки и нос. Снег бодро сыпал на шапку, а на зимние ботинки и вовсе словно гастербайтер лопатой с крыши остановки накидывал.

Не состоявшийся пассажир вздохнул и пошёл пешком. Но и маршрутке не легко оказалось. Едва отъехав от остановки, ГАЗелька снова попала в пробку. А ты сколько не смотри налево или направо, та тянется в обоих направлениях по дороге и скрывается в тумане на горизонте.

«Залезли, теперь постоят. Друг другом подышат», – ещё подумал Боря, довольный тем, что дышит хотя бы вольным ветром, только приходится всё быстрее ускорять шаг, чтобы не замёрзнуть от той свободы.

Город встал. Может и есть проблески через километр-другой, но того не видно – словно пеленой всё укрыто: снег густой сыплет, надёжно укрывает город от сглаза или порчи. Не видно больше ни дырок в асфальте, ни пошарпанных фасадов зданий. Обнулилось всё, сплошное снежное гало. И на отсутствие скамеек можно больше не жаловаться. Не заметить их больше под снежным пленом, не присесть дух перевести.

В кармане куртки зазвонил телефон. Рука в перчатке потянулась за гаджетом, подхватила. Присмотрелся сантехник, на дисплей сыплет белой мукой, а на нём «*Батя*» отображено.

Помнит, родня. От того немного теплее ушам и на душе приятно.

– Здорово, батя.

– Здоровее видали, – пробурчал отец, не понимая людей с хорошим настроением в принципе. – Меня тут засыпало

в теплушке по самый хер. Со ступенек кунга можно как в бассейн нырять. Жаль, ещё баню не поставил. Так бы и погрелся, и поплавал. Хорошо, что дров вчера занёс. Как знал. Локоть ломало, коленку стреляло, а что говорить про поясницу?

– Поставим баню, батя. И вылечим все твои раны, – Боря даже почесал щиплющий нос и прикинул по графику. – Но только летом. Весной ещё фундамент зальём. Ему много не надо. Быстро на ветру отстоится. А с лета строиться можно начинать, сколько успеем до осени. А успеть должны!

– Да дожить бы до весны ещё, – верил и не верил отец в планы сына, потому что разговоры вслух всегда похожи на мечты, а не на конкретные планы. – А ты когда заедешь? Хлеб у меня кончился и колбасы нет. А без мастика жизнь вообще теряет смысл. Почему его в гуманитарку не кладут?

– Потому что быстро портится на жаре.

– Тут ты прав. Скоропортящийся продукт. А так я до контейнера продуктового гуляю, но там одни крупы, консервы и сахар, – поделился наблюдением отец. – Вчера увидел «тунец», достал, на радостях открыл. Думаю, сейчас хапну аминокислот. А внутри тунец меньше селёдки. Ещё и распотрошённый, как будто чайки не доели. Так что не затягивай с подвозом. Не все консервы одинаково полезны. И без хлеба мне это не пережевать! Так когда приедешь?

Боря осмотрелся на сугробы. Хороший вопрос задал предок. Город, может, дня через три и откопают, а пока – тундра.

«Верный ответ – как только так сразу», – подсказал внутренний голос: «Но обидится же».

– Как только до джипа доберусь, так и подвезу свежачка тебе. Не переживай, батя.

– А точнее? – прокряхтел батя.

– Ну-у-у...

Тут Боря прикинул, что до родного гаража напрямки километров двенадцать по району, но ключи от гаража у Степаныча. А к нему ещё километров восемь топать. С точки зрения наличия автомобиля – ничтожные отрезки. Но с точки зрения использования компании «ходи сам» в снегу по колено идти – пол дня потратит. Это если работу по известному адресу пошлёт, конечно. А с работой выходит снова тот же отрезок времени – «никогда». Так же, наверняка, и мэр заодно думал, не спеша дороги песком с реагентами и солью посыпать. Или технику дополнительную выводить на уборку дорог.

– Батя, я не зна-а-аю, – протянул Боря и снова под черепной коробкой потеплело предостерегающе.

Как будто кофе пил. А он не пил. Ну а что зарядку снежную делал и закалялся заодно, так это побочка. Как и снег зимой.

– Ну ты там смотри, не сдавайся, – ответил отец и голос немного понизил. – И это... журналчиков каких захвати.

– Каких ещё журналчиков? – тут же прищурился сын.

– «Всякихтам», – особым голосом добавил отец. – Скуч-

но.

Он так и говорил – слитно.

Боря поморщился. Ко многим вещам по жизни можно привыкнуть, но не к тому, что батя рукоблудит от большой тоски.

«Хотя что ещё в кунге том без света делать»? – прикинул внутренний голос и тут же пояснил: «При свечах обстановка обязывает»!

– Батя, почему ты дома не живёшь? – возмутился сын.

– Ну там Дуня, Лёха её ещё этот, – перечислил Пётр Иванович, не понимая и в душе не принимая родственника, с которым выпить нельзя за ужином. – Про биткоины какие-то рассказывает, а сам дурак дураком. Пашка кричит, опять же. Не так, конечно, как Галина. Но та на ухо присядет и тоже хорошего мало. И давит всё это меня, Боря. Понимаешь? Простора хочется! Обратно на север. Кричат все, волнуются, а я привык как-то больше ветер слушать.

«Мог бы ему и Наталью ему уступить. Батя всё-таки, а от тоски совсем руки опустит», – даже поддел внутренний голос, но как-то тихо, почти незаметно.

– А чего кричат? – тем временем спросил Боря.

– Да кто их знает? Они вахтовым методом работают. Пашка – ночью. Галина днём. А морды лица Бесстыжевых надо видеть, когда пачку за день скуриваю и в сотый раз на балкон выхожу, – ответил отец, долго выдохнув. – Зачем я там нужен? Раз в месяц в гости захоживаю и хватит. А с весны уже

сами думать будем. Да? Поставишь мне будку на соседнем участке. А свет я нам обоим проведу.

– Батя, в смысле «проведу»? – уточнил Боря. – Там заявки надо оставлять, чтобы от столба тянули.

– Ну вот проведу, потом и заявку оставим, – хмыкнул патриарх Глобальных. – А когда подключать будут, договоримся. Всё-таки коллега. Хуй к носу не подведёт.

– Так же договоришься, как когда на работу по обслуживанию домофонов устраивался? – хмыкнул Боря, на вторую маршрутку на дороге поглядывая.

Та к остановке даже подъезжать не стала. И так чья-то рука в последней попытке устоять на ногах, к стеклу прислонена. И это всё, что видно. А вон и шапке чей-то бубенец как приклеенный едет поверх неё. Проще кильку в томате без ножа открыть, чем кого-то из неё выпустить. А впустить и подавно не получится.

– Ну а что? – ответил отец, припоминая тот случай. – Я пришёл чинить домофон, всё чин-чинарём. Позвонил, главное, а никто не открывает. Ну я и дальше пошёл по адресам. А там та же фигня.

– Так ты в домофоны «звонил»? Я с ребятами тогда во дворе гулял, всё видел.

Батя заржал в голос.

– А, ну точно. Ох и зря мы тогда с Лёней спирт медицинский, на сливах настоящий, пили. Лучше бы чернослива подкинули. А то сливы зелёные. Закуски никакой. Развез-

ло... Короче, решишь вопрос, да?

– Да, – ответил Боря и попытался представить, что было бы, если не подарил Лёшику видеокарту.

Насколько бы интроверта хватило среди курящих людей, орущих как на соцсоревнованиях женщин и детей быстрорастущих? Всё-таки сложно дома на удалёнке работать в двушке с чужим семейством. А полностью своим станет лишь с появлением внука.

Но с другой стороны, клипа он тоже ещё не сделал. Хотя бы потому, что группа материал снять не успела. Ромка забегался с иностранником в мыле, а самому некогда было проконтролировать процесс.

Как водится – перенесли, потом забыли.

– Короче, к маю всё точно сделаем, – ответил Боря и на всякий случай добавил. – Но это не точно.

Связь оборвалась.

«Обиделся, может»?

Боря потёр красные мочки ушей и соображалка в режим выживания перешла. Прикидывать начал.

Степаныч далеко. В гараж раньше вечера не попасть. Работа тоже не в двух шагах.

«Но этот немецкий упырь же как-то уехал. До часа пик успел, гад».

Боря снова подцепил телефон. Уже сорок минут как на работе должен быть. Но не звонит что-то никто, не ругается. Странно.

Набрал охранника.

– Егор, здорова. Ты на работе?

– Привет. Нет ещё. Подъезд откапывал. Какой-то мудила дверь оставил открытой. Нам намело по самый лифт. Потом машину копал мелкую отвезти в сад и в школу хотел прорваться со средней, но старшая сказала, что отменили всё. И я копать перестал. Потомство, в общем, плюнуло на всё и дома осталась. С женой вместе. А я пешком на работу вот только подхожу... Еба-а-а тут намело. Боря, нам ещё вход откапывать час так точно!

– Никто не вошёл, что ли?

– Разве что через окно, – прикинул охранник. – Леся стоит, машет чего-то. Шефа не вижу.

– А Олафа не видно?

– Нет.

– Ладно, позвоню, если что.

– Давай.

Сантехник отключил связь. На работу можно не торопиться, а напарник по магазинам ближайшим греется, похоже.

Боря лоб под шапкой почесал и пожалел тут же, что ключи от квартиры сдал. Мог бы пойти поспать часик. В автомобиле холодном тоже не поваляешься. Можно и не проснуться.

А что еще? До Наташки километров десять отсюда с Оксаной. Борщ отменяется, точно. Яна чуть ближе, но к ней через поле топать (если напрямки), а там снега и по шею может

быть. А если в обход, то ещё дальше получается. К Дашке в «Юность» прорваться? Тоже километров десять. Стасяну как гипс сняли, он сразу в деревню умотал. А кто остаётся? К Кобе в «семьдесят второй» дом заскочить? Тогда за чай столько работы подгрузит, что наработаешься так, как будто «чаевыми» озадачили.

Боря скривил лицо, что превратилось в рожу.

Кто, вообще, надоумил хату снимать в конце района? За-сада кругом. Хоть Шацу звони, но морских волков лучше не беспокоить. Как говорится, «не буди лихо, пока оно тихо».

И тут сантехник мгновенно поверил в чудо, потому как на него из метели вдруг выскочил... волк!

Внутренний голос от такой картины даже посоветовать ничего не успел. Город у них, конечно, не столица и даже не райцентр, но что это за метель такая, что волки из леса на окраину пробиваются?

Боря как стоял, застыв от радости лицезрения дикой природы, так и упал на спину. А волчара только к лицу бросился и как давай... лизать!

«А-а-а!» – сначала закричал внутренний голос, а потом добавил: «А, ну понятно! Хаски, мать его! Глаза голубые-голубые. А вон и ошейник имеется».

Чуть отстранив собаку и привстав, Боря девушку обнаружил, что ещё раньше бежала за озорным хаски с поводком в руке. А затем бежать перестала и поводок выпустила. Потому как сама в сугробе валяется. Одни каблучки торчат.

Боря невольно улыбнулся. Ножками дрыгает хозяйка, а сразу встать не может. Силы кончились от таких заснеженных прогулок.

Сантехник только собаку по голове погладил, за ушами потрепал, поиграв немного и сразу к девушке на выручку пошёл. За хозяйкой шлейф по снегу тянулся. Разыгравшись, пёс в самую глубину завёл её, где снега даже выше пояса. А последние метры так вообще тащил, судя по накату.

Боря в снег по пояс залез. Ориентируясь на покачивающиеся каблуки как на флагшток, реющий на мачте, по направлению к ней и пошёл.

– Девушка, вы в порядке? Девушка-а-а! – кричал он для порядка, чтобы не испугать ненароком, когда совсем приблизится. А то, кто знает, какой ещё шлейф потянется? Не любит человек сюрпризы на Руси.

С заметным трудом в сугроб пробравшись, Боря собачницу из снега достал. Сначала за капюшон, потом подмышки подхватил, да за пояс уже как репку в сказке и вытянул. Девушка лёгкая оказалась. Килограмм сорок в ней. Столько же, сколько и в собаке, по сути. На вид пёсель крупный, но внешность бывает обманчива.

Стоило достать из снега хозяйку хаски, как пёс начал обрadowанно бегать вокруг и лаять задорно, а Боря свою находку отряхнул как следует.

Девушка только встала, руками в рукавичках шарит перед собой, словно ничего не видит. Снег с капюшона ещё сып-

лется, в глазах всё мукой белой припорошено.

«Может и вправду, слепая»? – добавил внутренний голос: «Собака тогда – поводырь»!

Тут девушка снег с губ сплюнула и призналась звонко-об-речённо, сверкая брекетами на всю улицу и подвывая как иной пёс:

– Я все линзы проебала-а-а!

Сказала от души, изрядно удивив сантехника. А сама стоит и ревёт. И слёзы такие крупные-крупные по щекам катятся. Неподдельные, на алмазы похожи. Снег растаявший лишь добавляет обаяния. То ли девочка, а то ли виденье!

Боря невольно улыбнулся. Хороша девка. Ресницы в инее, щёки красные. На лице лишнего ничего не замечено. Брови свои. Снежинки собрали, как оделись в белую шубу. Губы только чуть посинели, дрожат. Вот и вся косметика.

«Да она же околела»! – заметил внутренний голос.

Боря присмотрелся и вздохнул, понимая причину. В джинсах тонюсеньких щеголяет. И сапоги с каблуком высоким. На зимние не похожи. Зато очевидно, что в каблуках гуляет, чтобы казаться повыше, так как ростика маленького. Компенсирует. И курточка на ней тоненькая. Шапочка с бубенчиком забавная. А по краям как косички висят, только вязанные от головного убора. И всё в снегу. Снега столько, словно снежную бабу откопал. Даже лепить не пришлось.

Бывает же!

– Так, а ну-ка не плачь, – тут же сказал сантехник.

– Я ничего не вижу-у-у, – только громче завyla она, поддержку рядом почуяв.

– Сегодня никто ничего не видит, – успокоил Боря, сумку с плеча достал и чая из термоса в кружку-крышку налил. Затем в руки сунул в рукавички и выдал приказ. – Пей. Согреешься.

Она зубами о кружку застучала. Хорошо, что крышка из пластика. А зубки ровненькие все, в ряд по линейке и беленькие, как будто углём их зачистили и отмыли как следует. Хорошо видно брекеты под фонарём. А там и солнце уже с зарёй спешит, через тучи пробивается.

Чай уже не горячий, но тёплый. Но губы отогрел. Заморгала дева ресничками в инее, руку с кружкой протянула, кивнула:

– Спасибо.

– Да не за что, – ответил Боря, термос убрал и осмотрелся.

Вокруг снежный плен. Стоит девушка по пояс в нём пленницей. Собаке только раздолье: бегают, кувыркается, ныряет с головой, как будто лисьи норы ищет.

– Джек! Ко мне! – даже голос командирский в девушке прорезался.

Но хаски только рядом бегают, едва приблизится, как обратно дёру дал.

С поводком бегают, не замечает его.

– Похоже, ему и так хорошо, – ответил Боря и в снег посмотрел. – Но не думаю, что линзы твои найдём сейчас. Да-

же больше скажу, до весны их точно никто не найдёт. А там уже не понадобятся.

– Как же мне до дома добраться? На ощупь? – задумалась озябшая девушка и возмутилась. – Джек, какашка ты озорная! Ко мне! Пусть твоя Ленка сама с тобой и гуляет теперь!

Пёс ноль внимания.

– Джек, жопа ты с ручкой! Сюда иди!

Пёс вроде бы даже рассмеялся в ответ. Морда довольная.

Боря пригляделся к девушке. Судя по репертуару, что из уст девичьих раздаётся, ей где-то от шестнадцати до двадцати двух. Точнее не скажешь. А что не её собака, да и что не собачница вовсе, сразу заметно.

– А далеко дом-то? – спросил Боря.

Жизнь всё равно на паузе.

– «Тридцать седьмой». Вон там, – и она показала рукой в неопределённом направлении.

Внутренний компас немного сбился.

Боря тогда по телефону адрес посмотрел, нашёл дом и прикинул, что это метров четыреста идти, если напрямки. А по тропам кривым так и все пятьсот. Но всё равно лучше, чем десять километров или коротко, но в больничку с обморожением.

– Давай баш-на-баш, – предложил сантехник. – Я тебя отведу до квартиры и на руки сдам кому-нибудь, но ты мне позволишь ботинки посушить. Я пока в сугроб за тобой лез, снега полные ноги набрал.

– Я тоже-е-е! – протянула она, но уже не плача. Скорее из сострадания по самой себе. Но просьба всё же дошла до сознания и тон изменился. – Ой, а чего мы тогда стоим? Идёмте скорее в тепло!

Боря ей руку подал, она качнулась и сразу же попыталась упасть обратно. Пришлось под локоть подхватить. А затем дева близко-близко прижалась, словно пытаясь ощупать его для идентификации.

– А вы... кто, вообще? – наконец, сдалась она, хоть и поглядывала украдкой то на спортивную шапку, то на куртку, то на сумку, где что-то гремело, то на ботинки.

Но больше всего смущали штаны рабочие. Не знает, что под ними подштанники тёплые.

– Сантехник, – ответил Боря.

– А давно сантехники девушек по сугробам вытаскивают? – решила она расширить свой кругозор.

– За всех не скажу, а со мной такое впервые, – признался Глобальный.

– Так вы, выходит, молоды? – сразу обрадовалась она, словно со стариком под руку из снежного плена ни за что бы не пошла.

– И глуп, – тут же добавил Боря, не желая оказаться в неловкой ситуации, если с ним снова заигрывает школьница.

Ладно ещё Егорова дочь по приколу подкатывает. Батя на неё цыкнет – убегает Вера. А тут увидят, что под руку с девушкой юной идёт. И всё, своё понимание сложится, если

нет восемнадцати. У людей чёрте что в голове.

Хотя самому всего двадцатый год идёт. За границей наливать ещё не могут.

– Ой, я тоже глупенькая, – тут же прониклась она. – Попёрлась в метель гулять. Он же выл всю ночь, просился. Ленка ещё, дура набитая, собаку свою нашла с кем оставить. Этот кабан меня не слушается ни разу... Джек, конь ты педальный, веди нас домой!

И она как начала говорить, не остановишь. Голос такой приятный. Не пищит уже, но и хрень не несёт. На что внутренний голос тут же временные рамки с семнадцати до девятнадцати ей сузил, накинув год-другой.

Слушать можно. Потому что на каждое рассуждение вопрос задавала и волей-неволей к диалогу подталкивала. Так и раскопала и про сантехника, и что машину в сугробе бросил и что на работу не попал. А попутно узнала, что напарник не совсем хороший человек оказался.

Сделка всё же удалась. Представившись Лидией, девушка у подъезда в обратку не послала, только собаку попросила поймать. Намотал на руку поводок Боря, так вместе все в лифт и вошли, на восьмой этаж поднялись.

– Довели, выходит, – даже обрадовалась Лида, уже немного согрившись и дистанцию на «вы» выдерживая.

Приготовился Боря к подвоху, но и тут не сорвалась сделка. Вместо того, чтобы в дверь позвонить и родителей дождавшись, начать кричать «насилуют!» и на помощь звать,

Лида только ключи из кармана курточки достала, зашелестела и в квартиру впустила. А внутри пахнет приятно. Уютом, теплом и мандаринами. Как будто Новый Год скоро.

Пёс, лапы не помыв, сразу в туалет бросился и давай из унитаза лакать, носом подняв крышку.

Однако, не поднята – а это уже показатель!

– Проходите, Борис. Разувайтесь, раздевайтесь, – подстегнула молодая хозяйка голосом приятным. Таким принцессы в лесу птичек приманивают, воркуя. – Джек, а ты прекращай делать вид, что у тебя в чашке воды нет... Ты чего меня позоришь? – и вроде строго говорит, а «мяу-мяу» в голосе.

Боря отряхнул куртку от налипшего снега и разуваться начал. Лида тоже попыталась, но застряла на этапе между принятием решений и переходу к действиям.

– Ой... не снимаются... да блин!.. А вы... вы не могли бы мне помочь ещё разик? Прикипело что-то на замках.

Боря наклонился и сапог на себя потянул. Девушка на одной ножке стоит, растяжку показывает неплохую. Но сапоги длинные и не идёт что-то процесс извлечения ноги.

Тогда Боря сам вначале разулся, разделся, на колено привстал в прихожей и замок до конца расстегнув, уже как следует сапог на себя потянул.

– Ой, – только и сказала девушка, на ножке снова прыгая.

Соучаствовала активно Лидия, но всё без толку. Джинсы мокрые, сапоги мокрые. Всё застыло на улице и в тепле сразу сходить не желало.

Боря, не видя другого выхода, на руки девушку подхватил и в зал понёс. Чтобы усадить на диван и уже как следует постараться.

– Ой, а меня... и на руках сегодня носить будут? – сразу засмушалась девушка. – Какой интересный день!

Голосок едва не подвизгивал от того, как приятно заботу. И вообще мужчина вблизи ничего так оказался. Штаны с подтяжками, конечно, глупые. Но вид суровый и придурковатый. А она такой любит.

«Мужественный даже!» – отметила девушка чисто для себя.

Боря, в третий раз оплошав с сапогами, на ремень джинсов посмотрел. Снимать похоже вместе с джинсами придётся. Как бы шиворот-навыворот не получилось сдирать. Хорошо ещё сразу из сугроба достал, а то к самой коже одежда прикипела бы и всё, прощай эпидермис.

Но как об этом в лицо сказать? Да и странно прозвучит вопрос. За маньяка примут.

– Ой, а чего это вы на меня так смотрите? – даже что-то почувяла девушка. Сразу и не скажешь, покраснела или нет. Щёки то красные уже где-то треть часа.

И это только при нём.

– Да я это... В ванную вас отнести хотел. Под джинсами вероятно какие-нибудь колготки, да? Плотности придали, оно и облегалo в тепле как следует. А на холоде осело. Физика.

«Сжатие же», – пояснил внутренний голос запоздало: «Скукоживание даже»!

Она смотрела на него, то ли пытаясь получше разглядеть без очков и линз, то ли решая для себя сложные уравнения с большим количеством неизвестных. Патовая ситуация получилось.

Но тут Боря поднялся и спросил решительно:

– Лида, а сколько вам лет?

– Семнадцать.

Тут же на корточки снова присев, Боря снова попытался естественным путём сапоги снять. Не дело это – девушек в ванную носить несовершеннолетних и раздевать там. Оно, может, и не в своё удовольствие действие получается, но кому потом докажешь, что помочь хотел?

Судья строг – держи срок.

«Разве что жениться сразу», – прикинул внутренний голос: «Но это ещё согласие сначала получить надо. А у неё брекеты дороже, чем наша жизнь. Явно, не сама на них заработала».

Раздумывая о возможных родителях, Боря подвис. Попытки разуть почти прекратились. А вот её любопытство только разогрелось. Дотянувшись до подголовника дивана, Лида очки взяла, надела и пристально на него уставилась, разглядывая как впервые.

А он такой, с щетиной суточной, широкоплеч довольно, поджарый, подтянутый. Лицо кровь с молоком с мороза и

глаза завидующие-завидующие. И сразу в путь хочется собраться и отправиться с проводником таким на встречу любым приключениям. Такой и через лужи перенесёт, и из дупла достать может.

Только вопросов сначала много к нему. Не на все ещё ответы получены.

– А почему вы мне этот вопрос задали?

– Да хотел... в ванную отнести, – с лёгкой запинкой ответил Боря, уже понимая, что разговор не туда поворачивает.

– А там...

– А там снять... всё, – не стал скрывать сантехник, смутившись.

Тут она кивнула медленно. И томно добавила:

– И чего вам теперь мешает? Вы и без того уже проникли в мою обитель. Никто мне на помощь не придёт, хоть кричи, хоть не кричи. А Джек, похоже, за вас скорее выступит, чем за меня. Вы ему понравились. Он от вас буквально без задних ног.

Оба посмотрели на собаку, что устало развалилась на паласе, взяв перерыв.

– Нет, что вы. Я не такой, – даже снова поднялся Боря.

Тут Лида улыбнулась и захихикала:

– Зато я – такая.

Боря тут же испариной покрылся. А она очки на брови надвинула и призналась чуть строже:

– Что ж, Борис. Вынуждена вам признаться. Я из тех жен-

щин, что искажают свой возраст в угоду... личному.

Последнее слово она подчеркнула. Но Глобальный понял, что довольно умна. Излагается ясно, чётко.

А последние слова в этой комнате всё расставили по местам:

– Мне девятнадцать.

Глаза встретились. Она тут же прикрыла лицо рукой и добавила:

– Не будем терять ни минуты! Буду пользоваться ситуацией! А то когда ещё красивые мужчины на руках покатают? Несите, Борис! Несите!

Руки словно сами подхватили девушку. Груз не тяжесть, когда в радость. А дальше уже видно будет.

Глава 5 – Лидок...аин

Если бы Боря желал срочно впасть в детство, то сходу сочинил бы загадку в стиле: «за окном снег валит, а в ванной снежинка стоит, тает... Кто это»? Но в детство впадать как раз не хотелось. Напротив, он улыбался по самые уши и так рад был совершеннолетию девушки и тому, что сам давно подросток. Это открывало такой простор для игр на двоих, словно не зря рос, вырослел и лучший момент жизни словил, чтобы в картотеку разврата попасть и всё попробовать. Теперь выбирать меню взрослой жизни можно, хватать пункты построчно или даже пробовать все подряд!

А правильный ответ на загадку – Лида.

«Лидок. Можно даже, лидокаин», – уточнил внутренний голос.

Тоже своего рода успокаивающее по жизни. Ведь его назначают при всех видах местной анестезии, а действует сильнее новокаина в разы. Это любой стоматолог скажет. А пока сидишь на кресле наклонённом, с разинутым ртом и ответить не в силах, добавит с умным видом, что сей препарат блокирует ток ионов натрия в клетках миокарда и подавляет автоматизм эктопических очагов. Вдобавок действует быстрее и продолжительнее аналогов.

Проще говоря, Борю торкнуло от Лиды. Химия пошла

сразу, как только в ванную поставил деву и в очи коварные посмотрел. На пьедестале за ванным барьером рост сравнялся у них. Вровень губы встали.

– Ой, кажется приехали, – улыбнулась робко Лида.

Глаза серые и бездонные, большие, завидующие. И так жарко в груди Бори стало, что почти инфаркт. Только не умирается. Порыв души поймал.

И выдал сантехник в ответ уже не своим, глухим голосом, как будто в горле пересохло разом:

– За проезд платить будем?

Сигнал химической связи, разогретый погодой бодрой, обратно отразился. Девушка сняла очки, сложила и водрузила на стиральную машинку.

Глава в глаза. Искра! Молния!

– Только без сдачи! – заявила Лида и подтянула за шиворот, а сама подалась навстречу.

Губы маленькие горячими оказались как два ядерных реактора. Поцелую осторожными.

«Испепелят к чёртовой матери!» – предупредил внутренний голос и отключился, давая дорогу инстинктам.

Нет в губах ничего инородного, не накачаны, не подведены, не окультурены. Но природная красота и тепло через край хлещут. Боря откровенно радовался такому повороту событий. Погреться – самый раз! А она маленькая, хрупкая, и столько в ней силы внутренней, что закачаешься. Первый поцелуй сразу крепким оказался, без сомнений, стеснения и

вопроса, на который никогда ответ искать не надо. Стоило или нет? Конечно стоило, когда обоим по девятнадцать и тянет друг к другу как магнитом!

Локоны её русые и сырые. По плечам расползлись, как только шапку сняла с бубенчиками и «бубончиком». Шапка та вязаная, мокрая. И как тряпка под ноги полетела. Лида за пояс только свой взялась, ослабила и решительно верхнюю пуговичку расстегнула. Джинсы, что в натяг были, тут же на половину бедра сползли, колготки с собой потянули, а те трусики обнажили беленькие. Те, где резинка и ткань мягкая, но не в обтяжку.

Сдилось хлопчатобумажное изделие сразу, вниз поползло следом за колготками и джинсой, и попу белую обнажило. Не видел того Борис, но едва рукой коснулся булочек маленьких, как кольнуло мужицко-заботливое – холодная попа-то! Ледяная почти.

– Ты же замёрзла вся! – тут же прекратил целоваться Глобальный и не снимая костюма рабочего, в ванную следом залез, воду тёплую включил на глаз, а потом всё теплее и теплее набирал.

«Спасать попу надо»! – заявил внутренний голос мягко-настойчиво, в восторге от её мягкости и нежности.

Хихикнув, в раз Лида подачу воды с крана на душ переключила. Потекла вода тёпленькая по спине ей, кофту и блузку моча. Струи ударили с переливом, и на костюм Боре попали.

– Эй!

– Я, значит, мокни, а ты стоять рядом будешь? – заявила она, не со злобой в голосе, но как котика, что молоко лакал не из той миски. И всё равно лакать будет, но может краем уха услышит?

Тогда Боря молча под душ к ней шагнул, возобновив поцелуй. На темечко уже струи били, по костюму бежали, майку заливали. Лида глаза округлила. Явно не ожидала, что её намочив, сам подставится. Но на слабо сантехника взять не удалось. Не под такими душами стоял!

Обрадовавшись оба как дети, уставшие от взрослого мира. И приняли друг друга от одежды избавлять. В раковину полетели кофты, майки, лифчик. Штаны без подтяжек тоже готовы, но пока не полностью сняты. Дама ещё не раздета. Он же джентльмен, в конце концов. Пропускать вперёд должен! К тому же их маленькая проблемка ещё не решена. Бонусом лишь предоплату взял, на груди второго размера молодой не только зацепившись взглядом, но и губами один сосок пригладив и со звоном в другой поцеловав.

Следом Боря на колени встал, от струй душа уйдя. Но едва коснулся сапога на шпильках, как тот словно сам сполз. Как же так?!

Второго коснулся тогда. Тот только что был самым неприимым врагом его, а теперь послушно сполз в руку, как будто знала Лида секрет какой-то. От того такая загадочная улыбка Джоконды и ладошки небольшого размера проворно

обувь в раковину следом отправляют.

Нет, сам он, конечно, тоже не промах. И под душ полез, чтобы с носками не палиться. Вчера в ночь постираться не успел, как и утром побриться. Дела, разговоры, заботы... Лида додумать не дала. Следом за обувью джинсы сползли и колготки неопределённого количества ден. Благо понять, что это значит, всё равно сознания не хватало. А мозги вовсе ушли, когда следом за колготками и трусиками женская прелесть обнажилась. С робким треугольным-стрелочкой. Кустик вниз показывает, чтобы путник в ночи с пути не сбился и даже наощупь дорогу нашёл, по показателю.

Боря вдруг понял, что носом ищет, от пупка спускаясь с серией поцелуев.

– Ай, холодный! – хихикнула Лида.

Нос тут же исчез, губам доверив работу. Ещё штанины последние не покинули ножек с кожей атласной, как Боря принялся целовать деву там, где солнце только на нудистском пляже заглядывает. Да таких в Сибири меньше, чем совести у заёмщиков денег. Как они возвращать не спешат, так и не будет краса сибирская сразу все прелести миру показывать! А всё от природной скромности, что не умолит её богатств.

Загадка должна оставаться в девах сибирских. Чтобы вот так, раздев в ванной неспешно, с нежностью и ласками разгадывать её. Пока щеки снова алой краской наливаются и внутренний голос заявляет: «Нет, ну ты понял? Понял?! Это же тот самый запах, который нам нужен!»

Лида только ногу на бортик ванной поставила, голову откинула и замычала, на плечи его опираясь и ладошкой в волосы проникая. Схватила. Мокрые, не кудрявые. Ещё не вьются. Но если больше чем на три пальца отрастить, то кто знает – может и закудрявятся. Всё-таки чёрные как смоль и есть в нём что-то от Пушкинской породы.

Вспомнив о попе холодной, Боря за неё тут же деву подхватил и поднялся. Распрямился, а деву спиной к плитке прижал. Уронить он её не боялся. Ласки ласками, а носки снять всё же успел. Рядом в раковину упали. Холодные ступни так плотно в акриловую ванную впились, что клеем не отодрать ещё минут пять, пока не оттает под горячей водой.

Полёт на мужчине крепком Лиде понравился. От удивления она только руки в разные стороны расставила. А от осознания, что от неё теперь ничего не зависит, её тут же и накрыло. Задышала часто-часто, а потом как будто вовсе дышать перестала. В глазах замельтешило.

– Боря-я-я.

Ноги сводить начало. Обхватила шею мужчины девушка ногами, схватилась руками за плечи его и плотно-плотно прижалась, стоны разнообразные в один протяжный превратив:

– БОРЯ-Я-Я!!!

Глобальный, прекратив на минуту, присел. Обрато вернулся её ванной, чтобы слишком не переживала. Штаны уже сползли настолько, что держать неудобно. На одном стояке,

как на крючке и держатся.

Лида, вновь вернув способность дышать, сама теперь на дно ванной нырнула и сняла всё, что увидела. Оба в костюмы Адама и Евы нарядились. Только вместо фигового листочка ударил по щеке девушку змей. То ли слепой, то ли одноглазый. Тут уж как посмотреть.

Лида вот, смотреть не стала. Только придушить его сразу попыталась. Но то ли в руках силы не осталось, то ли пожалела. Потому сразу проглотить его попыталась, чтобы наверняка побороть.

Теперь уже Боря руками в стенки ванной упёрся. Ноги чуть ослабли. Ненадёжные стали. Пресс сводит, играют мышцы. А как трудится флейтистка в игре своей искусной – любо-дорого смотреть. В обе руки играет. А когда звучит от неё доносятся, то это либо довольное урчание, либо шёпот. В него лучше не вслушиваться. Но если бы гул в ушах не стоял, то услышал бы «нихуя себе дубина!» и «вот бы всё насилие в мире было такое!» и даже «он так прикольно бьёт меня по щеке!».

А потом тишина и восторг в глазах. Потому что возможности эластичные лица красивого и губ натуральных никто не отменял. Растягиваются как латекс на член. Жаль только рука одна устала, опустилась и где-то внизу живота шарит. Своего.

Боря такой игры вскоре притомившись под горячей водой, воду выключил и деве руку подал. Поднялась она и сно-

ва как давай целоваться, но недолго. Всё-таки брекеты делают прикосновения особыми, неуверенными.

Понял вдруг Глобальный, что со спины ещё деву не оценил. Развернул тут же.

«Надо же на предмет сатанинских татуировок проверить, а то может вообще хвост растёт и с ведьмой балует», – подстегнул внутренний голос.

Но если и ведьма, то правильная. Сырая, правда. Но уже тёплая, нежная и как своя. Только союз закреплять лучше изнутри, а то и углубить.

Повернув Лиду к стене как при досмотре, Боря между ног у неё начал шарить. А та нет, чтобы закричать: «у меня ничего, нет. Не у тех ищешь, начальник!», вместо этого только выгнула попу и дугой встала с довольным видом.

Едва дева отклячила зад, как губы малые обнажились. Торчат себе сзади, взор волнуют. И пушок у них едва-дева тёмный виднеется. По нему ориентируясь, Боря тут же как корабль на маяк и повёл головкой вдоль губ. А как на углубление наткнулся, надавил.

– Ой, бля-я-я! – раздалось уже вполне различимое без воды потоков.

Лида аж за губы себя схватила ладошкой, побила для порядка легонько. Она, мол, не такая, эмоции просто. А обычно – фея.

Боря только глубже проник. И следом донеслось от феи той протяжное:

– Да нихуя-я-я ж себе!

Причины понятны. Скользко, мокро, горячо и эффект трения в действии все возможности организма сразу и показал. Пока делала минет, в жизни бы не поверила, что в ней поместиться может столько.

Конечно, не девственна, и было даже два мужчины. Но один – платонический любовник, а второй геймер. Потыкал чего-то там в единственную ночь любви и сразу обновления побежал скачивать. А тут откровения накатили. Секс, оказывается, бывает!

– Как эффективно вы это делаете, Бори-и-ис! – не могла не отметить она. – Я в восторге!

Пока Лида от первого оргазма не до конца отошла, резко осознав, что тот может и мужчина причинить (не всё же самой делать!), как от мощного бура внутри тело вновь волнами пошло.

Лавина в крови, а не вишнёвый сок теперь! И от того давления изнутри так радостно её распирало, что весь словарный запас матов изо рта посыпался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.